

Дмитрий Ластов

ДОРОГОЙ МОЙ РАФАЭЛЬ

(Мечтать, пусть обманет мечта! Бороться, когда побеждён! Искать непосильной задачи и жить до скончания времён!)

Действующие лица:

НИНА, женщина очень простой внешности шестидесяти пяти лет.

КАТЯ, дочь Нины 35 лет.

ДАША, соседка, медсестра, около 30 лет.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ, директор колхоза, полный мужчина за шестьдесят лет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ, бывший муж Нины, сухощавый мужчина, около шестидесяти лет.

СЕРГЕЙ, сын Нины, высокий молодой человек тридцати лет.

АЛЬБИНА, жена Сергея, около тридцати лет, хорошо ухоженная молодая женщина.

ИРИНА, подруга Нины, шестидесяти пяти лет.

ТАТЬЯНА, подруга Нины, шестидесяти пяти лет.

Описанные в пьесе события и персонажи вымышленные, какие-либо совпадения носят случайный характер.

Действие пьесы происходит в конце октября 2018 г. в посёлке Барятино Калужской области.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

(в. 15-4)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я написал эту пьесу, то подумал о том, могла бы она называться как-то иначе, по-другому, и мог бы быть в этой пьесе кто-то другой вместо испанского певца Рафаэля. Чтобы сразу прекратить какие-либо разговоры и обсуждения, я как автор скажу, что да, конечно, вместо испанского певца Рафаэля мог бы быть другой, не менее известный исполнитель, российский или советский, или американский... но это была бы уже другая пьеса и о других людях. Именно Рафаэль стал в 1970-х годах для Советского Союза явлением и открытием. Именно Рафаэля, и никого другого, так трепетно приняли миллионы советских людей во всех уголках большой страны. Я не отвечаю в этой пьесе на вопрос — почему так произошло. Я просто рассказываю историю одного простого человека, для которого имя Рафаэля и его творчество стали близкими и родными, несмотря на расстояния, время, границы.

Пьеса называется «Дорогой мой Рафаэль» прежде всего по той причине, что когда мы что-то читаем, слушаем, смотрим, то мы прежде всего ищем для себя что-то своё, близкое, может быть, даже интимное. Вряд ли кто-то проникнется симпатией и любовью к творческому произведению, песне, фильму, которые будут вызывать раздражение и неприязнь. Как правило, мы слушаем, смотрим и читаем, или нет – многократно слушаем, смотрим, читаем то, что нам нравится, то, что нам по душе. Поэтому и пьеса так называется, так как для многих слушателей Рафаэль стал своим, родным, близким, и они по праву его могут называть «своим». Рафаэль поёт для каждого слушателя по-своему. Видимо так...

И, пользуясь случаем, и тем, что мною уже написано несколько пьес, я хотел бы ответить ещё на один вопрос: какой жанр этой пьесы? Наверное — мелодрама. Вообще, к мелодраме у многих зрителей скептическое отношение. Для многих этот жанр фильмов или спектаклей кажется слишком простым и слащавым. Возможно, и так. Но я считаю, что в театре и кино нужны все жанры — и комедия, и трагедия, и мелодрама. Мелодрама же, на мой взгляд, вызывает в душе человека самое хорошее и доброе чувство — сострадание и сочувствие. Это важно — переживать, жалеть, любить. Пусть сюжет мелодрамы и не изобилует хитросплетениями и какими-то авантюрными сюжетными линиями — не это важно в мелодраме. — Главное — это добрые чувства, эмоции, открытие чего-то нового в близких людях. Несмотря на войны и царящее вокруг мракобесие, важно и нужно оставаться Людьми. Важно надеяться и верить не во что-то далекое и эфемерное, а в тех людей, которые рядом, сочувствовать, помогать близким. В пьесе есть и отрицательные, и положительные герои. Думаю, в жизни надо стремиться быть положительным героем (и не только, чтобы создать впечатление среди окружающих главное — в душе), перебарывая в себе раздражение, злость, лень, ненависть. Вроде бы прописные истины, но как их нам не хватает! И именно мелодрама, на мой взгляд, среди всех жанров, наиболее подходит для того чтобы зритель, сострадая героям и переживая за них, становился чище и душевнее в нашей реальной жизни, порой такой непростой и сложной..

Открываются двери в зрительный зал. В зале притушен свет. На сцене декорации квартиры. На тумбочке стоит проигрыватель, на котором крутится диск. На диване сидит Нина. Она откинулась на спинку и смотрит куда-то вверх, в пустоту. Пока зрители рассаживаются, звучат песни Рафаэля из фильма «Пусть говорят»: Ноу тејор кие тајана, Digan lo que digan, Acuarela del río, Mi gran noche, Cierro mis ojos, Al margen de la vida, Tema de amor. Пока звучат песни и рассаживаются зрители, проектор периодически проецирует кадры из фильма «Пусть говорят», выступления Рафаэля, фотографии Рафаэля на декорациях — они то появляются, то исчезают в полутьме сцены и зала в разных местах. Когда зрители разместились и прозвучало несколько песен, свет в зале гаснет, и начинается спектакль.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Действие происходит в конце 2010-х годов. Большая комната. Обстановка явно не менялась с советских времён: диван, телевизор, шкаф, журнальный столик, проигрыватель, компьютер со старым монитором, на стене висит ковёр, большой стеллаж с книгами. Окно занавешено тюлем и простыми шторами. Видна входная дверь, коридор.

Нина продолжает сидеть и смотреть в пустоту, слушая пластинку. Входная дверь приоткрыта. Входит Даша, стоит и ждёт, пока Нина обратит на неё внимание. Но та её не видит. Кашляет. Нина поворачивается к ней.

ДАША. А дверь чего открыта? Холодно же! Ноябрь на носу.

НИНА. Катя не закрыла. Торопилась.

ДАША. А куда она?

НИНА. Нарезку забыли купить, по мелочи ещё.

ДАША. Что-то нервная она.

НИНА. Катя-то? Да уж после Москвы, какой ещё будешь...

ДАША. Глаза у неё какие-то. Я уж...

НИНА. Привыкнет она. Я уж не трогаю её. Думаю, пусть пообвыкнется немного. Отойдёт. Погуляет. В тишине побудет.

ДАША. Я что пришла, тётъ Нин. Салаты из холодильника я достала. А то холодные будут. Майонез пока не добавляла.

НИНА. А вино?

ДАША. Вино, ну что вы. Оставила. Пусть холодное будет.

НИНА. Хорошо, Даша. Спасибо.

ДАША. Вы-то смотрю, уставшая какая.

НИНА. Да как-то не ладится всё. Надо пойти к Марине.

ДАША. Причёску делать?

НИНА. Да. А вот сил нет. Сижу вот. Устала.

ДАША. Вы насчёт холодильника не волнуйтесь. Ну и что... Ну, сломался... Ну, старый... У меня пока похраните. Сейчас и купить можно простой какой-нибудь. Сейчас же не проблема....

НИНА. Да, и насчет холодильника...

ДАША. Ну не беда же... Купите...

НИНА. Жалко. Деньги то есть. Перед гостями прямо сломался. Напасть какая-то... Подумают ещё чего.

ДАША. А так всегда бывает. Вот, как не надо — так и ломается. Это же так всегда... Ну, вы не расстраивайтесь! В Киров съездите — купите. А довести — попросим кого-нибудь.

НИНА. Возможно.

ДАША. Вы таблетки-то купите. А вообще, вам бы в Калугу поехать. Направление давно же дали. Чего затягивать. Нельзя затягивать.

НИНА. А как я оставлю-то всё? Ты же знаешь. Козы — мои девочки. Да и по огороду ещё до холодов дел полно. Это надо на автобусе или просить кого. Целый день же. А может, и не раз придётся ехать. А если меня в больницу положат — как я оставлю-то всё?

ДАША. Тётъ Нин. Ну не шутят с сердцем. Инфаркт — и всё. А может, и инсульт какой. Я вам как медсестра говорю. Честно. У вас Катя есть — она и за козами походит.

НИНА. Я понимаю, Даш. Вот как холодно станет, если Катя не уедет, — я и поеду туда.

ДАША. Анализы у вас плохие. Я не понимаю. Вы всё своё — если да если...

НИНА. Даша, я уже большая-пребольшая девочка. Я всё понимаю.

ДАША. Вижу. Давайте я вам сейчас таблетки принесу. У меня ещё остались.

НИНА. Даш, куплю я. Завтра куплю. Или, может, в понедельник.

ДАША. Завтра, в понедельник! Ваше же здоровье...

НИНА. Своё я уже пожила. Может, и хватит уже.

ДАША. Так, это что за такие мысли и слова?! Ну как... Ну что вы...

НИНА. Да как-то всё не так, Даша.

ДАША. Вы из-за сына что ли или из-за дочки?!

НИНА. Да из-за всего. Серёжка не позвонит. А Катька, вот, приехала. И что с ней будет? То в Москве была. А здесь чего — ни работы, ни перспективы. С Петькой своим рассталась, из Москвы уехала. Всё как-то не так у неё...

ДАША. Ну, хорошо всё будет. Ну что вы! Взрослые они — пусть сами всё решают. А у вас день рождения сегодня. Надо отмечать. Вино пить. Вино — испанское. Специально в Калуге просила подругу купить. Как вы просили. Ваши гости-то обрадуются!

НИНА. Да, наверное.

ДАША. А вы всё, смотрю, Рафаэля слушаете.

НИНА. Решила старую пластинку послушать перед гостями. Давно её не слушала.

ДАША. А мне, вот, тоже Рафаэль нравится. Я вот, за стенкой всё слышу.

НИНА. Ну, ты уж прости. Бывает, включишь, расслабишься. Ничего не замечаешь.

ДАША. Да, ничего. Хорошо же поёт. Душевно. Я, бывает, тоже так сяду, как вы, и сижу.

НИНА. Вот сижу и думаю. Как-то раньше, когда моложе была, всё проще было: жизнь, любовь. Как-то прямее, что ли. А сейчас как-то все по-другому, всё не так. Раньше страна у нас была большая. Если не воруеть — то и живёшь хорошо. Если трудишься — то и жизнь у тебя понятная. А сейчас...

ДАША. А разве сейчас по-другому?

НИНА. А сейчас ты вроде ничего не крадёшь и живёшь по совести — а всё равно виноват. А они — нет.

ДАША. Кто они?

НИНА. Да чего говорить. Всё как-то не так. Хотя, вроде, и жила-то правильно.

ДАША. Ну что вы! Ну, какое уныние?!

НИНА. Придётся вот — включишь музыку, включишь Рафаэля... Хоть немного, да забудешься.

ДАША. А я всё думаю, но вот почему он, почему вы его слушаете — этого Рафаэля. Ну, полно же других и наших, и иностранных?! Нет, тётъ Нин, я, может, и догадываюсь, но вот вы сами скажите.

НИНА. О чём догадываешься?

ДАША. Ну, вот, бывает, там, за стенкой, слышу его песни — и прямо до мурашек. Ничего не понимаю, о чём поёт, а вот делать ничего не могу. А он, случаем, не русский?

НИНА. Почему?

ДАША. А мы, русские, только так можем петь. Так, ну, пронзительно, так душевно...

НИНА. Нет, Рафаэль точно не русский.

ДАША. Да вы, может, не знаете. А может, у него бабушка была русской. Я же чувствую что-то родное. Вот, помните, фильм мне показывали. Он в глаза мне смотрит, а у меня прямо куда-то всё проваливается. Поёт — а я прямо и вздохнуть не могу.

НИНА. Не всё ли равно, откуда человек и кто он.

ДАША. Не скажите!

НИНА. Если есть, что сказать, если есть, что в душе и сердце, — а у него это есть. Ведь бывает, какой-нибудь оперный певец поёт всё правильно и голос красивый, а слушать не хочется.

ДАША. Почему?

НИНА. Вот, ты говоришь, что слушаешь Рафаэля — и до мурашек?

ДАША. Да, до мурашек.

НИНА. А ведь так, как он, никто не спел. Он какой-то ключик подбирает к твоему сердцу. Поёт, и кажется, что тебе поёт. Тебе лично. По крайней мере, мне так кажется.

ДАША. Да.

НИНА. А потому, что через себя он всё пропускает... через душу... Понимаешь, наверное, если человек что-то делает искренне, с душой — это надолго, это не отпускает.

ДАША. Бывает, песню какую услышу... А помните, вот фильм был «Мистер Икс». Вот там хорошо артист поёт. А потом я в Калуге в филармонию, когда к Людке ездила, пошла. Вот слушала, там артист один пел эту арию – и не то. Прямо и слушать не хотелось. Все ему хлопали. А я приехала, нашла этот фильм в Интернете, включила его, и прямо на душе так тепло стало.

НИНА. Так и Рафаэль, понимаешь, он ведь вроде всё просто делает, ничего вроде особенного, но сколько там внутри... Всё от сердца, от души.

ДАША. А Вы его, Рафаэля, видели? Вживую, видели?

НИНА. Конечно. В Киеве.

ДАША. В Киеве? Давно?

НИНА. Так... Слушай, в 78-м году. В последний раз, в 78-м.

ДАША. Давно. Я ещё не родилась даже.

НИНА. А потом, как-то всё не получалось. То денег не было...

ДАША. А он к нам потом приезжал?

НИНА. Да, много раз. В 97-м, в 9-м году, в 12-м, в 14-м году. И совсем недавно.

ДАША. А что вы не поехали на его концерт!?

НИНА. Всё как-то не получалось. То денег не было, то работа, то с Ваней разводилась, то ещё чего-то... Всё думала, успею. Как-то даже чуть в Мадрид не попала... Засобиралась...

ДАША. И что?

НИНА. Надо было Серёже помочь с Альбиной, как баба Катя умерла. Помнишь, я хотела поехать.

ДАША. Помню.

НИНА. А Серёжка мой женился.

ДАША. Хотели бы — попали бы.

НИНА. Я хотела. Это моя мечта. Скоро он будет петь в Париже, в Олимпии. Знаешь Олимпию?

ДАША. Что-то слышала.

НИНА. Это самый известный французский, да и вообще, зал. Большое достижение там петь. Я бы так хотела там быть. Войти в это красное фойе, в этот зал...

Нина задумалась. Даша смотрит на неё и спрашивает.

ДАША. А как вы тогда о нём узнали? О Рафаэле? Там ведь холодная война, железный занавес...

НИНА. Ну как. Сейчас уже напридумают. Фильмы у нас показывали, и иностранные были: гэдээровские, индийские и американские, французские. Пластинки были. А как узнала? Мы девчонки были. Ну, ты помнишь Иринку, Таню.

ДАША. Те, которые приедут?

НИНА. Да, они. Как здесь, в Бяратино, школу я закончила, десятилетку, поступила на бухгалтера учиться в Москву в Плеханова, и в общежитии мы вместе с Ириной и Танюхой жили в одной комнате. Иринка из Кинешмы была, а Таня – из Монино. Это под Москвой. Вот, к Таньке мы часто в Монино и ездили. В комнате у неё на полу спали, домашней еды ели... Так там здорово было! А Монино раньше военный городок был, там по пропускам проходили. Военных много, лётчиков.

ДАША. А что вы за лёгчика не вышли? Нашли бы там красавца.

НИНА. Вот, не нашла. А у станции там кинотеатр открыли как раз. Сейчас так кинотеатры уже не называют.

ДАША. Как же он назывался?

НИНА. Огонёк.

ДАША. Как ресторан, или кафе.

НИНА. Там уютно было. А сейчас там магазин открыли. Танька как-то сказала.

ДАША. Да не говорите! Помните, у нас тоже в кинотеатре магазин хотели открыть.

НИНА. Вот как-то в выходной мы приехали. Апрель, кажется, был. Пошли со станции посмотреть, что в кино идёт. Висела там афиша — фильм «Пусть говорят». Ну и пошли мы с девчонками туда вечером. Кажется, кто-то из института уже смотрел этот фильм. Что-то говорили нам. Но я как-то и не слушала, внимания не обращала.

ДАША. Это тот, который вы показывали мне?

НИНА. Тот. Знаешь, раньше часто ходили в кино, в клуб. Чаше чем сейчас. Вечером, в выходные. Чего дома сидеть. Сразу в клуб, в кино.

ДАША. А что тогда, в Огоньке?

НИНА. Знаешь, сели мы смотреть этот фильм, и вот он начался. На экране – гитара, а потом — молодой парень пританцовывает и поёт... И с каждой минутой фильма, с каждой песней я только просила об одном — чтобы фильм не заканчивался, чтобы он шёл дольше. Вот как ты говоришь — до мурашек. Вот, какой-то ключик он подобрал ко мне. Как будто для меня пел. Это было какое-то открытие, может, даже чудо. Эти песни, этот голос, эта простая грустная история в фильме.

ДАША. Поиск брата и особенно то, что он влюбился в девушку брата, да!?

НИНА. Да.

ДАША. Вы же его смотрели кучу раз.

НИНА. Не говори. Тогда все деньги на кино уходили. Десятки раз видела в тот год.

ДАША. Тётъ Нин, я вот смотрю на вас и думаю, какая вы чудная, хорошая, добрая.

НИНА. Ну что ты придумываешь.

ДАША. Это же здорово, вот так — быть такой, как вы. Слушать музыку...

НИНА. Слушаешь Рафаэля и уносишься далеко-далеко. В ту страну, где тебя любят и понимают.

ДАША. Тётъ Нин, ну что вы... А что я вас не понимаю... Понимаю. Вот и Катька идёт. И Катька понимает.

Входит Катя с пакетом.

КАТЯ. Это вы о чём. Кого я понимаю?

ДАША. О Рафаэле, Кать!

КАТЯ. А! Ну это точно.

ДАША. Да ты не усмехайся. Мировая у тебя мать. Порядочная, добрая, красивая! Беречь её надо и пылинки с неё сдувать.

КАТЯ. Это точно.

ДАША. Я вообще на минутку зашла, тётъ Нин, книжку у вас взять хотела.

НИНА. Бери, конечно. Какую?

ДАША. Ну, про любовь, помните, рассказывали мне.

НИНА. Куприна?

ДАША. Да, кажется...

НИНА. Вот, там, на полке, видишь?

Даша берёт книжку и уходит.

КАТЯ. Вы тут чего?

НИНА. Да так. Зашла Даша, что-то разговорились...

КАТЯ. Ты ей о Куприне рассказываешь?

НИНА. И не только. Хорошая она. А знаешь, в музыке и литературе — одно спасение. Может, и для неё тоже.

КАТЯ. Уход от действительности.

НИНА. А если по-другому нельзя. Знаешь, Рафаэль как-то сказал, что мир без музыки — это мир глухих.

КАТЯ. У нас полстраны глухи и слепы. И знать хотят только себя. И никого и ничего больше.

НИНА. Ты не права.

КАТЯ. Ты же хотела к Марине идти — причёску сделать?

НИНА. Ждёт уже, наверное. Иду. Сейчас. Как-то устала я.

КАТЯ. Ты иди. Я тут сама. Не беспокойся.

Нина встает и идёт к двери.

Затемнение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Катя убирается в квартире. Раздаётся звонок. Катя открывает дверь.

КАТЯ. Добрый день. А мамы нет.

В дверях появляется Николай Сергеевич.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Когда она будет?

КАТЯ. Она к Марине пошла причёску делать. Ну, полчаса как.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ладно. Некогда её ждать.

КАТЯ. Может, что передать?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да чего передавать. Зайду ещё. Через полчаса?!

КАТЯ. Ну, может, через час.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Чего, гостей ждёте? Серёга - брат приедет?

КАТЯ. С женой.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А подруги матери?

КАТЯ. Тоже.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ладно. Приду – поздравлю её.

КАТЯ. Хорошо.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Давай. Ладно...

Катя закрывает дверь за Николаем Сергеевичем. Потом резко её открывает.

КАТЯ. Николай Сергеевич, стойте... Подождите.

Через некоторое время Николай Сергеевич появляется в дверях.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Чего?

КАТЯ. Слушайте, а маму, ну, в тюрьму не отправят? Вы же лучше знаете. А то она всё молчит. Не скажет ничего.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да брось ты... Не отправят. Меня – директора колхоза – и то не трогают, а она кто? Ну замом моим была, ну бухгалтером... Какая там ответственность... Да ты не думай. Глупости народ говорит. Не знают и говорят! Не слушай!

КАТЯ. А суд же был?!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Был суд!

КАТЯ. И что?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не знаю я.

КАТЯ. Как?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не знаю. Адвокаты занимаются. Я... ты же знаешь, я крестьянин, колхозник. Чего я там понимаю в судах этих. Ты не слушай там их. Хорошо всё будет. Давай! Приду я. Потом приду. Маму твою поздравлю. Не думай там ничего. Всё нормально. Пока.

Катя закрывает дверь. Идёт в комнату. Начинает что-то доставать. Входит Даша.

ДАША. Ты чего дверь не закрыла.

КАТЯ. Да задумалась.

ДАША. А чего он приходил.

КАТЯ. Николай Сергеевич? Видела его?

ДАША. Да.

КАТЯ. Маму хотел.

ДАША. А она причёску ушла делать? К Маринке?

КАТЯ. Да.

ДАША. Уже гости скоро приедут.

КАТЯ. Да.

ДАША. Серёга с женой приедет.

КАТЯ. Да с Альбиной.

ДАША. На машине, из Калуги.

КАТЯ. Да.

ДАША. Ночевать останутся?

КАТЯ. Не знаю.

ДАША. Деловой он стал. Как подумаю, что с ним в одной песочнице игрались — сама не верю.

КАТЯ. Мне кажется, что брат уже стал совсем другим человеком. Стой! А ты!? Неужели до сих пор!? Я всё думала...

ДАША. Да так.

КАТЯ. Ты что в Серёжку до сих пор влюблена.

ДАША. Да не знаю я. Знаешь, может, себе что и вообразила.

КАТЯ. Он же женат.

ДАША. Он ведь хороший, понимаешь. Помнишь, он в Калугу учиться поехал!? Как он бредил своей физикой. Как мечтал. Я вот, думала тоже поехать, тоже вместе с ним учиться.

КАТЯ. Ну да...

ДАША. Мама болела. Я бы поехала. Знаешь, поехала бы. И Альбину бы он эту не встретил. Понимаешь.

КАТЯ. И физику бы учила?!

ДАША. Учила бы. Я способная.

КАТЯ. Брось. Ну, ведь прошлое уже. Ну, ты же такая...

ДАША. Скажи, что толстая... да?

КАТЯ. Ну, что ты.... Какая ты толстая.

ДАША. Я вот похудеть хочу. Понимаешь, мамка болела. Лежала. Не до чего было. Отец в Сибири на вахте. Одна на все руки. Растолстела я. Серёжка приедет и не узнает. Скажет, что в бабу я превратилась.

КАТЯ. Да что ты всё о нем то, об этом Серёжке! Отец твой возвращаться не собирается?

ДАША. Отец... Деньги он шлёт. Может, и семья у него уже там. Не знаю.

КАТЯ. Ну, вот и выбрось ты его из головы. Серёжку выбрось!

ДАША. А я не могу без него. Ты просто его не знаешь. Не знаешь, какой он!

КАТЯ. Всё я знаю!

ДАША. Не знаешь. Он добрый, чистый, хороший... Бросит его она. Альбинка бросит.

КАТЯ. Скажи ещё, что ты его подберёшь.

ДАША. Подберу.

КАТЯ. Ну и дура!

ДАША. Это ты Катька в своей Москве такой злой стала. А я подберу его. Потому что не могу без него.

КАТЯ. Не злая я. Жизнь — злая. Везде она злая.

ДАША. В мегаполисе жить не сладко. Я бы не смогла.

КАТЯ. Не в этом дело. Не люблю я слово «мегаполис».

ДАША. А в чём дело?!

КАТЯ. Может, во мне дело.

ДАША. В тебе?

КАТЯ. Да. Понимаешь, себя не могу найти. Кто я? зачем я? Почему я?

ДАША. Ты загнула.

КАТЯ. Я вот подумала. Вот, у тебя есть цель?

ДАША. Не знаю.

КАТЯ. Есть. Ты ждёшь своего Серёжу. Ждёшь же!?

ДАША. Ну...

КАТЯ. А я уже ничего не жду, ничего не хочу.

ДАША. Прямо ничего!?

КАТЯ. Всё как-то прошло... Чего делала? Чем занималась? А людям надо чего-то хотеть, чего-то ждать... Если не хотеть и не ждать – то и не жить.

ДАША. А Петя?

КАТЯ. Это уже прошлое. Я его тоже ждала... верила, рисовала себе что-то... а оказалось, что мы совсем разные. Понимаешь, совсем разные. Я ему говорю: «синее». А он говорит: «зелёное». И он реально видит это зелёное. А я вижу синее, понимаешь!?

ДАША. Не совсем. Вы же вместе учились в пед. Вы же кучу лет вместе. Не понимаю.

КАТЯ. Я тоже не понимала. А как понимать стала – страшно мне стало.

ДАША. Почему?

КАТЯ. Ну, вот ещё мы проживём лет десять вместе. И что!? Что изменится? Ничего. Когда-то нас что-то объединяло. Ну, или мы так считали.

ДАША. А сейчас не объединяет?

КАТЯ. Сейчас... Да он приходил с работы, ел и смотрел телевизор. В выходные – спал. Вот и вся жизнь.

ДАША. Так все живут.

КАТЯ. А ты хотела бы так жить со своим Серёжей, когда он к тебе вернётся?

ДАША. У нас так не будет!

КАТЯ. Тебе так только кажется.

ДАША. Не будет. Он не такой!

КАТЯ. Я тоже так думала.

ДАША. Он другой.

КАТЯ. Я тоже говорила себе, что мой Петя другой. А как-то я пришла домой...

ДАША. А он с другой?!

КАТЯ. Нет.

ДАША. А что тогда?

КАТЯ. А он был в душе. Телефон лежал на столе. Пришла смс. Я невольно увидела его переписку.

ДАША. С любовницей!?

КАТЯ. Нет.

ДАША. Тогда не понимаю.

КАТЯ. Он переписывался со своим приятелем. Он писал, что завтра они будут пить пиво и что она не пришла. Она – это я. Я стала словом «Она».

ДАША. И что?

КАТЯ. А то, что он давно стал мне чужим. Когда-то, когда я приехала в Москву, училась в пед, помнишь, на Юго-Западной, тогда там ещё были эти пустыри. От метро идёшь – институт далеко. Мы гуляли вокруг института с Петей и мечтали о том, как будем строить свою жизнь после. И не построили. Либо я не такая, либо он... либо жизнь такая. Комнаты, районы, зима, лето... денег никогда нет. Петя-то сразу пошёл продавать эти камни. Так там и остался. А я тогда ещё была наивной.

ДАША. Ты про что.

КАТЯ. Про школу. Думала, что сейчас приду в школу... помнишь, как наша Тамара Владимировна, наша литераторша. Я же из-за неё пошла в пед. Она же настаивала, чтобы я поехала учиться не в Калугу, а в Москву. Она там училась. Чтоб я училась именно в её институте.

ДАША. Жалко её.

КАТЯ. Я о ней часто думаю. Рано уйти, и всю жизнь прожить здесь, и любить своё дело.

ДАША. Она нас любила. Тебя, меня – всех. Помнишь, как она читала стихи, как она читала нам Чехова. Я тогда дурёхой была – не понимала. А сейчас вот навёрстываю – Куприна вот читаю.

КАТЯ. Я думала, что смогу так же. Может, мне надо было сюда вернуться сразу после института.

ДАША. И что тогда бы?...

КАТЯ. Петя уже работал в Москве. Да и что говорить! А в школу в Москве пошла работать – как белая ворона там была. Все чужие. Вот всё.

ДАША. Может, школа тебе такая попалась?

КАТЯ. Может. А может, люди поменялись. Может, время изменилось, но чужое мне было всё.

ДАША. Может, и так.

КАТЯ. Не нашла я себя там. Из школы ушла. Мыкалась. А тут, знаешь, всё по комнатам... Решили с Петей квартиру снять. Денег на неё больше надо. Днём в офисе договоры составляю, а вечером – уборщицей. Так несколько лет. Жизни никакой. Ничего кроме работы.

ДАША. Да уж.

КАТЯ. Как-то безрадостно. Вроде работаешь, вроде трудишься... Да и Петя трудится. А всё

как-то не так. Я ведь, знаешь, вот что... Я чуть не родила.

ДАША. Ты что?! Почему не родила?

КАТЯ. Не стала.

ДАША. Сделала.

КАТЯ. Да, сделала. Не стала. Я как подумала: Петя по деньгам не потянет, если я работать перестану. Денег нет. И куда мне... Здесь бабушка парализованная была, маме не до меня...

ДАША. Ну да... Как вспомню то время... Моя мама лежит и твоя бабушка – горемычные.

КАТЯ. Лет шесть назад. А сейчас жалею. Может, и не надо было.

ДАША. Не знаю, Катька. А твой Петя что?

КАТЯ. Он уговаривал оставить.

ДАША. Ну и ну...

КАТЯ. Да что тут...

ДАША. А ты уехала. Как он?

КАТЯ. Да я так думаю, он и не понял меня. Почему развод, почему уехала? Вряд ли... А Серёжка изменился. Не мечтай о нём. Прошло.

ДАША. Ты чего с ним не общаешься?

КАТЯ. Мало общаюсь. Раньше больше. Как с Альбиной этой стал встречаться...

ДАША. Да, красotka ещё та!

КАТЯ. Не хочу я с ними. У них всё какие-то планы...

ДАША. Слушай, а в Москву тебя не тянет?

КАТЯ. Меня?

ДАША. Ну да. У нас же здесь по-простому, глушь. А там – театры, музеи...

КАТЯ. Да, нет. Там суета. Народу везде полно. А театры и музеи – на них нужны деньги и время. Я по ним ходила, когда училась. В Современник или в Вахтангова пойдешь, а чем потом за квартиру платить?!

ДАША. Это да. А здесь что? Где работать?

КАТЯ. Ну, ты же здесь.

ДАША. Ой, да ну... Я ленивая. Куда мне! Ты-то, вон, какая красotka! Тебе-то...

КАТЯ. Даш, не хочу я. Мне хватило. Найду что-то.

ДАША. Может, в районной управе!?

КАТЯ. Ну, ты что...

ДАША. Ну, да, там только свои... по благу...

КАТЯ. Пойду в школу работать.

ДАША. И правда!

КАТЯ. Может, так и надо было. Тамара Владимировна ушла, а я вот помыкалась по свету – и

буду вместо неё.

ДАША. Катька, да возьмут тебя. Ну, точно возьмут.

КАТЯ. Ну, пока вот маме помогу. Деньги какие-то есть. Немного, но есть.

ДАША. Холодильник купи машину стиральную. А то холодильник у вас сломался, а стиралка через раз работает.

КАТЯ. Даш, моя мама же гордая. Говорит, что сама накопила и сама купит. Не берёт она денег. Да и тянет она что-то. Могли бы давно купить.

ДАША. Слушай. Я тут вот что сказать-то хотела. Ты скажи, мама твоя, то есть тётя Нина, тебе чего говорила про суд, про всё это?

КАТЯ. Молчит.

ДАША. Ничего?

КАТЯ. Нет. Ничего.

ДАША. Слушай. Плохи дела.

КАТЯ. Ты чего, Дашка, в каком смысле плохи?

ДАША. Ленку знаешь?

КАТЯ. Какую?

ДАША. В суде она сейчас работает, в Кирове. Помнишь, три года назад замуж вышла. Ну, такая высокая. В Киров она переехала.

КАТЯ. Наверное.

ДАША. Тут она к родителям приехала вчера. Я её на улице встретила –про суд рассказала.

КАТЯ. Про какой суд?

ДАША. Ну как про какой?! По кредитам, по колхозу, по «Искре».

КАТЯ. По нашему колхозу, по «Искре», где мама?..

ДАША. Туго до тебя доходит. Ну да. Тот, по которому банк подал. Ну, те... сколько там, миллионов сто семьдесят, что на строительство фермы брали...

КАТЯ. И что?

ДАША. Слушай, она сказала, что мама твоя договоры подписала.

КАТЯ. Ничего она не подписывала. Директором Николай Сергеевич был.

ДАША. Да подожди ты!

КАТЯ. Ну.

ДАША. Там был кредитный договор. Его подписал он как директор «Искры».

КАТЯ. И что? Она при чём? Она уже и не работает, вообще пенсионерка.

ДАША. А она подписала договор поручительства.

КАТЯ. И что? Какого поручительства.

ДАША. Договор поручительства. Это такой договор, по которому она поручается своим

имуществом.

КАТЯ. В каком смысле? Не понимаю!

ДАША. Слушай. Помимо кредитного договора были три договора поручительства. Один подписала какая-то фирма. Но её, видать, уже закрыли. А два других договора подписали Николай Сергеевич и твоя мама.

КАТЯ. И что? Пусть Николай Сергеевич за всё и отвечает. Мама-то при чем?! Она не работает уже там давно.

ДАША. Подожди. Ленка сказала, что эти договоры равнозначны. Она сказала, что требуют со всех.

КАТЯ. Пусть с него требуют. Он там воровал. А мать – дура... верила, как глупая. Она же, кажется, влюблена в него была... Всё верила...

ДАША. То, что влюблена, знаю я. Давно было. Ты про сейчас послушай.

КАТЯ. Что?

ДАША. Понимаешь, всем имуществом поручитель отвечает за долги предприятия. А твоя мама в «Искре» была и замом, и бухгалтером, и договор этот подписала.

КАТЯ. Ну и что?! Ну подписала... Ну...

ДАША. Не кипятись. Ты, понимаешь, Ленка сказала, что уже в понедельник будут описывать ваше имущество. В этот понедельник. Я всё заходила, тебя застать хотела.

КАТЯ. Как?! Ты что!? Наше?! Как это! Не могут они!

ДАША. У вас дом есть?

КАТЯ. Есть. В деревне, в Ракитне.

ДАША. А здесь – в этой квартире вы не прописаны?

КАТЯ. Нет, эта от колхоза досталась, мама и не прописывалась.

ДАША. Ну, банк уже справки навёл. Ленка сказала: у вас есть жильё, в квартире не прописаны. Квартиру продадут.

КАТЯ. Какое продадут?! Ты чего, Дашка! Тот дом развалился уже. Мать там коз держит – и всё. Сарай там только. А от дома – развалины.

ДАША. У них там – закон. Дом есть – и всё. На бумаге же есть. И с пенсии часть будут списывать, и имущество опишут. Вот, может, и не торопится она холодильник покупать.

КАТЯ. Вот это всё опишут?!

ДАША. Да, в понедельник. Лучше бы спрятать ценное всё. Может, ко мне перенесёте?

КАТЯ. Ты это правду говоришь!?

ДАША. Кать, ну, я же тебе говорю, Ленку встретила. Она всё рассказала. Чего ей врать то...

КАТЯ. Не знаю. А Николай Сергеевич?! Он-то, что? Он-то, что, дом потеряет свой!?

ДАША. У него нет ничего.

КАТЯ. Как? А дом?! Дом он построил четыре года назад. Тот, в Чумазово...

ДАША. Всё переоформил давно. Сразу не на себя оформлял. Знал он всё наперёд. Будет

четыре тысячи с пенсии платить – и всё.

КАТЯ. Как?!

ДАША. Он же хитрый. Это мать твоя всё верит во что-то. Может, любит его ещё... может, ещё чего... кто её знает...

КАТЯ. Блин...

ДАША. А она чего? Ну, тётя Нина, мама твоя – молчит?

КАТЯ. Шутит всё она... Спрошу её про это, а она чего-то там не пойми чего говорит. Да и этот Николай Сергеевич, пришёл и говорит, что народ всё сплетни распускает.

ДАША. Балабол он. Наворовал... Ладно, пойду я... Если чего – зови, ладно?

КАТЯ. Хорошо.

ДАША. А что, и подруги тёти Нины приедут?

КАТЯ. Да, днём пойдем встречать их.

ДАША. Давно их не было.

КАТЯ. Перезваниваются они. Раньше мама часто о них рассказывала, а сейчас как-то редко.

ДАША. У всех своя жизнь.

КАТЯ. И интересы свои. Может, реже стали общаться.

ДАША. Это что, готовится она? *(Даша показывает на пластинки с Рафаэлем на диване).*

КАТЯ. Да. Они же там поклонницы Рафаэля.

ДАША. Поёт он хорошо. Она тут включает его – я за стенкой слышу.

КАТЯ. Часто включает?

ДАША. Сейчас часто. Непонятно о чём поёт, а так – нравится.

КАТЯ. О любви.

ДАША. Они все о любви поют. Я вот себе не представляю, как так можно всю жизнь вот любить какого-то там певца, да ещё заграничного.

КАТЯ. Как помню себя – всё Рафаэль, записи, пластинки.

ДАША. Любовь.

КАТЯ. Ну, наверное.

ДАША. Молодец она. Ну, мама твоя – молодец. Не унывает. Вон подруг позвала. Вот есть ещё люди. Встречаются, вспоминают. Они же с юности вместе.

КАТЯ. Да, учились в Москве. Тётя Ира и тётя Таня там остались. А мама сюда вернулась, в колхоз.

ДАША. Вот с юности чем-то увлекаться, не бросить...

КАТЯ. Она и испанский учила. Вроде что-то понимает.

ДАША. Да, я ей в больнице на принтере распечатывала... да... по-испански что-то. У вас же нет принтера. Вот я люблю таких увлеченных людей, энтузиастов! Вот молодец она!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КАТЯ. Слушай, Даш.

ДАША. Что?

КАТЯ. А я тут разобралась. Знаешь, что нашла? Типа дневника её.

ДАША. И что – читала?

КАТЯ. Нет. Ты что!?

ДАША. Давай прочтём!? Ну...

КАТЯ. Я только немного посмотрела. Знаешь, это даже не дневник – это письма.

ДАША. Письма. Кому?

КАТЯ. Рафаэлю. Ну, Рафаэлю – испанскому певцу.

ДАША. Она ему писала? Они что, переписывались? Вот дела!

КАТЯ. Нет. Она просто писала ему письма, но не отправляла. Типа дневника.

ДАША. Интересно. Вот даёт!

КАТЯ. Мысли свои писала, понимаешь. Ну, как бы ему их адресовала, понимаешь.

ДАША. Ну, типа того. Давай прочтем. Ну, ты же не знаешь... может, там что важное...
Доставай их.

КАТЯ. Вот.

Катя достаёт из шкафа сложенные листочки. Перебирает их и разворачивает один из них.

ДАША. Как много!

КАТЯ. Сейчас. Вот, слушай. Только не говори никому.

ДАША. Ну, ты что.

КАТЯ. Это последнее. Недели две назад написала. Дата стоит.

ДАША. До того, как ты из Москвы вернулась?

КАТЯ. Да. Слушай: «Дорогой мой Рафаэль!»

ДАША. Это она ему?

КАТЯ. Да. – «Дорогой мой Рафаэль! Я давно тебе не писала. Как-то не было сил. Я так устала за последние дни. Когда ты одинок – это страшно, а иногда невыносимо. Так всё пусто вокруг. Я всегда хотела сделать всё как лучше. А может, просто боролась с ветряными мельницами, и всё было впустую. Мне говорили, что так надо, – и я делала. Мне говорили, что по-другому нельзя, – и я делала. А сейчас я не знаю, что делать».

ДАША. Это про суд. Вот она же про суд пишет.

КАТЯ. Наверное. Вот дальше: «А мечты остались далеко. Сейчас уже и не мечтается. И даже не хочется жить. Где-то далеко всё то, что люблю. А в будущем... Я не знаю, что в будущем. В будущем – ничего. Кому я нужна?.. Жизнь развалилась, и склеить уже ничего нельзя. Ты любишь, а тебя нет. Ты хочешь любить, а тебя используют. А почему нельзя, чтобы было всё проще».

ДАША. Это про Николая Сергеевича. Я же говорила... Любит его...

КАТЯ. «Ваня любил меня, а я разрушила его жизнь. Может, он спивается из-за меня. Может, мне надо только протянуть ему руку – и что-то поменяется...»

ДАША. Это про папку твоего, правда, не знаешь, когда не в запое... Деревенские так говорят.

КАТЯ. «Дорогой мой Рафаэль, всю жизнь я писала тебе письма. Я знаю, что ты их никогда не прочтёшь и что ты даже не узнаешь, что живёт на свете такая Нина Русакова, которая с семнадцати лет не может жить без тебя, без твоего голоса, без твоих песен. Ты в моей душе, в моём сердце... Иногда я думаю о том, что не смогла бы выдержать всё без тебя. Ты был рядом со мной, когда я ездила челноком и возила эти баулы одежды, ты был рядом со мной, когда я торговала на рынке, чтобы заработать какие-то деньги, ты был рядом со мной в годы безденежья, когда я не знала, как мне прокормить семью и где мне достать деньги. Ты был рядом всегда. Я включала пластинку и слушала твои песни, и я знала, что, наверное, я выстою, что я выдержу, что всё будет хорошо. Сейчас звучит твой голос, и я знаю, что и сейчас ты рядом, но я уже не знаю, как мне быть дальше, как мне сказать детям, что я им ничего не оставляю. Через две недели придут приставы и опишут всё, а квартиру продадут. Я не знаю, где мне жить и что делать дальше... просто не знаю... Прости меня, прости меня, дорогой мой Рафаэль».

ДАША. Вот. Понимаешь, нельзя в себе всё держать.

КАТЯ. Она и не держит. Пишет ему. Но что нам делать, я не знаю.

ДАША. Катя, ну ты не одна. Поможем! Ну, ты там береги свою маму. Эти квартиры – там дело наживное. Накопите. Кредит возьмёте. Ну, там за триста тысяч какую халупу купите. Самое главное – её береги.

КАТЯ. Берегу я её.

ДАША. Там знаешь, эти волнения, это всё – итак сердце слабое.

КАТЯ. Ты про что!?

ДАША. Ну, у мамы твоей сердце слабое.

КАТЯ. В каком смысле?

ДАША. В прямом.

КАТЯ. Я не знала.

ДАША. Ну, скрыла, кто её знает...

КАТЯ. Говори.

ДАША. Ну чего говорить. Года два назад, а может, и три. Приходит ко мне в больницу. Говорит мне: «Даш, что-то дышу тяжело, пот липкий». Я сразу поняла – сердце. Врач её в Киров отправила. Она съездила. Сердце у неё больное. Ей направление в Калугу, в больницу,

дали. А она не поехала. Пьёт таблетки от сердца и всё. Давно уже было.

КАТЯ. Как не поехала?

ДАША. Ну, а на кого она коз оставит, хозяйство?

КАТЯ. На тебя.

ДАША. Ну, я ей так и сказала. Не захотела. Я же её заставить не могу. С этим не шутят. Ты с ней заведи разговор. Я ведь и не знала, что она скрывает всё. Думала, что ты знаешь.

КАТЯ. Дашка, я не знала.

ДАША. Ей бы не волноваться. Ещё бы ей выговориться – в себе не держать. А она держит. Мне не говорит ничего. Вроде соседи – ну, зайди скажи, попроси... А она, не знаю, гордая что-ли.

КАТЯ. Да не гордая она. Приучена – сама всё делать, на себя только рассчитывать.

ДАША. Ладно, ты меня не выдавай. Ты, где её таблетки лежат, знаешь?

КАТЯ. Нет.

ДАША. В шкафу должны быть. Вон там посмотри.

Катя открывает шкаф и смотрит ящики вместе с Дашей.

КАТЯ. Вот эти?

ДАША. Эти так – профилактика. А вот эти закончились. Они дорогие – это на острый случай. Надо, чтобы купили. Но если чего, у меня есть такие. Если вдруг что-то произойдет, ко мне беги. А таблетки купите. Дорогие, правда.

КАТЯ. Я куплю.

ДАША. Ты это, не говори ей, ну, тёте Нине, что я тебе показала, где таблетки, ну, там про суд рассказала. Но ты за ней посматривай. И про вещи... Там ценное – перенесите. А то наши приставы шустрые – в понедельник с утра могут нагрязнуть. Заходи, если что. Если уйду, ты там записку напиши.

В комнату входит Иван Петрович.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А чего у Вас дверь открыта, Кать!? А, Даш, привет! Кать, мать-то где? Дверь нараспашку. Сидят тут, секретничают.

ДАША. Вы чего, Иван Петрович, при параде? Бывшую жену специально поздравить пришли?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, типа того. Да, мы тут закупиться приехали, суббота же, ну, я думаю, надо зайти, что ли, поздравить жёнушку.

ДАША. А подарок?..

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да откуда же у меня деньги, Кать. Где мать-то? На кухне, что-ли?

КАТЯ. Причёску пошла делать.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А ты тут как? Обустроилась?

КАТЯ. Обустроилась.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну ладно.

ДАША. Пойду я.

Даша уходит.

КАТЯ. Ты про суд знаешь? Знаешь?!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Это по «Искре», что-ли? По кредиту?!

КАТЯ. Ну да.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да так, мужики в охотхозяйстве что-то там брешут. Я особо не слушаю.

КАТЯ. Что говорят!?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну что, дела плохи. Сергеич там воровал, а мать помогала.

КАТЯ. Ничего она не помогала.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я тебе и говорю, что не слушаю я их. Мать-то, что, надолго ушла?

КАТЯ. Пап, а вдруг это всё серьезно. Ты понимаешь, этот Николай Сергеевич... не доверяю я ему. Жук он.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Жук. Тут охотиться приезжал.

КАТЯ. Кто? Он?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну да. Сергеич к нам в охотхозяйство приезжал. Каких-то чиновников привёз. Полдня там по лесу их водил. А они всё какие-то разговоры мутные вели.

КАТЯ. Какие?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я, ты знаешь, их не слушал. Я там не понимаю их. Я что – егерь, а они там про выделение, разделение, отделение, миллионы какие-то... Ну, что я? Я ничего не понял.

КАТЯ. Беда...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, какая беда – вырулится, лучше в голову не брать. Мать-то давно ушла?

КАТЯ. Должна вернуться.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А ты чего, Кать, такая? Уже давно здесь, а ко мне не заехала.

КАТЯ. Да как-то не до того...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Не спросишь меня, как я там живу?

КАТЯ. Ну как?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, живу... Денег вот не платят.

КАТЯ. Ты их пропьёшь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Сразу пропью, прямо.

КАТЯ. Пап, ну, я не знаю...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я не пью.

КАТЯ. Знаю.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А баб не слушай. Врут они.

КАТЯ. Только из запоя вышел.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Врут они. Врут. Они здесь в Барятино живут и не знают, как там, в лесу, хорошо.

КАТЯ. Чего хорошего-то?! Сидишь там, в избе, никого не видишь.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А мне и не нужны они... Не покормишь?

КАТЯ. Есть хочешь? Там у себя в лесу не питаешься?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Питаюсь... Ну, так себе, всё-таки, когда женщина приготовит... того... вкуснее...

КАТЯ. Во как!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Покормишь отца?..

КАТЯ. Ладно. Сейчас разогрею.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Чего, эти подруги приедут? Готовитесь. Рафаэля выставили... Любимчик мамкин.

КАТЯ. Да.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. И Серёга с женой?

КАТЯ. Приедут.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А мать меня не позвала.

КАТЯ. Так тебе и надо.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, я здесь посижу. Хорошо?

КАТЯ. Сиди.

Иван Петрович начинает ходить по комнате. Затем подходит к шкафу. Достает из шкафа какие-то вещи, письма к Рафаэлю. Начинает их читать.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. «Дорогой мой Рафаэль... Ваня любил меня... Может, он спивается из-за меня...» Во даёт!

Иван Петрович кладёт письма обратно. Достает шкатулку. Из неё достает деньги. Начинает считать.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Одиннадцать, семнадцать, двадцать шесть...

Иван Петрович кладёт купюры обратно. Отходит от шкафа.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Вот богатеи. Тридцать семь тысяч. А как ни попросишь – не даёт. Вот Нинка! Катя, ну чего, разогрелось?

КАТЯ. Подожди ещё. Сейчас суп и картошку с котлетой.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ладно.

Иван Петрович встаёт и ходит по комнате.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. А потом у Нинки и пенсия больше. И Сергеич, этот хрыч, наверняка её не оставляет...

Иван Петрович подходит к шкафу. Достает из него деньги. Отсчитывает.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Семнадцать себе. Нет, тридцать. У неё теперь и Катя есть...

КАТЯ. Пап, иди.

Иван Петрович кладёт деньги в карман.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Катя, а мне, слушай, бежать пора. Машина в охотхозяйство уйдёт, ждать не будет. Вспомнил я.

Катя выходит из кухни.

КАТЯ. А я разогрела.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ну, убери обратно. А там всё равно съедите. Пока, давай!

КАТЯ. Пока.

Затемнение.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ.

В комнате на диване сидит Нина. Видно, что ей сделали причёску. Катя стоит в дверях.

НИНА. Еле дошла.

КАТЯ. А тут папа заходил.

НИНА. Ваня!? Ушёл?

КАТЯ. Да странный какой-то. Пришёл, посидел, покормить попросил. А потом есть не стал и ушёл.

НИНА. Пьёт он, Катя! По-страшному пьёт. Там у себя в охотхозяйстве квасит днями.

КАТЯ. А ещё Николай Сергеевич заходил.

НИНА. Что-то сказал?

КАТЯ. Да нет. Сказал, что зайдёт поздравить тебя.

НИНА. Скоро Серёжа должен приехать. Ещё Ирину с Таней надо встретить.

КАТЯ. Они на автобусе, что ли?

НИНА. У Ирины машина сломалась – они на автобусе поехали. Утром звонили.

Катя садится на диван.

НИНА. Что-то устала я, Катя. Маринка мне причёску делает, а у меня прямо глаза закрываются. Хотела соки купить по дороге. Не стала. Еле дошла. Голова как-то кружится.

КАТЯ. Mam, сбегаяю я. Ты тут здесь занимайся. Сейчас оденусь и схожу.

НИНА. Ты с Серёжей и Альбиной помягче будь.

КАТЯ. Постараюсь.

НИНА. Ты уж резкая больно с людьми.

КАТЯ. Какая есть.

НИНА. Деньги в шкафу возьми.

КАТЯ. Mam, у меня есть.

НИНА. Возьми.

КАТЯ. Mam, я ушла. Катя уходит.

НИНА. Дверь не закрывай. Оставь её так. Всё равно все свои тут.

Катя уходит. Нина ставит пластинку Рафаэля в проигрыватель. Звучит его песня "Ahora". Нина садится и отдыхает под музыку. В квартиру входит Николай Сергеевич.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нин! (*Нина вздрагивает*).

НИНА. Ты?!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нин, я утром в Калугу ездил.

НИНА. И что?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я в банке с людьми встречался, понимаешь, важными людьми.

НИНА. И что твои люди тебе сказали?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нин, закроют они это дело. Отстанут от тебя. Ты не верь этим слухам. Там говорят по Бярятино бог весть что. Врут они. Ерунду говорят. Слышишь! Ты знаешь, какие у меня связи!

НИНА. Знаю, очень хорошо знаю, знаю, как хорошо ты можешь всё придумывать.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да что ты?! Ты знаешь, как я переживаю! Я же ночами не сплю. Это же моё детище. «Искра» – моё предприятие. Я же там с малых лет. Кирпич к кирпичику... Ну, Я же всё делал, чтобы сохранить... Знаешь, мне же как по сердцу ножом, тысячу голов под нож, тысячу бурёнок, ведь знаешь, как жалко их...

НИНА. Знаю, не ты один... Знаешь, как мне жалко... Как подумаю, что так бездумно их на убой отдали. Только вот я понять не могу... все твои игры...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Брось. Ну какие игры?! Я свои деньги вкладывал. Ты же видела. С утра до ночи вкалывал. Вот этими руками.

НИНА. Вкалывал. Откуда они брались у тебя эти твои деньги?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нина, ну что ты... что-ты старое ворошишь.

НИНА. Коров продавал, а деньги где за них? Их же не было.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Люди такие попадались, Нина, - не платили. Ну что ты... Я же в суд подавал...

НИНА. Ну чего ты юлишь. Я же всё знаю. Ну что ты одно и то же... При мне-то...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я не юлю.

НИНА. Ты же с ними договаривался. Ты им сам денег давал, чтобы они купили у тебя коров, часть заплатили, а потом коров продавали третьим людям по большей цене. Предприятие оставалось ни с чем, а ты получал деньги. Я же знаю всё это. Догадывалась...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ерунда это всё. Это всё чушь!

НИНА. А куда делись двадцать миллионов, которые переведены строительной компании? Где построенное родильное отделение? Тоже мы подали в суд! Суд выиграла! И что?! Взыскать деньги уже не с кого.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нина, ну не везло нам.

НИНА. Знаешь, я тут подумала, может, ты специально всё развалил. Может, ты специально так делал, чтобы у «Искры» не было шанса. Шаг за шагом.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да что ты несёшь!

НИНА. В мутной воде делишки свои делать проще. Как всегда.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Хватит! Ну, Нинок, ну, что ты... Ты же знаешь меня. Я же люблю тебя, Маленькая. Слушай, у тебя же день рождения...

НИНА. Вспомнил.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я из Калуги, времени не было – цветов не купил. Вот возьми. *(Протягивает конверт)*.

НИНА. Это что?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Тут тридцать тысяч тебе.

НИНА. Забери.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нин, возьми. Тебе они нужны. Пригодятся...

НИНА. Коля, был суд. У меня вот эту квартиру отбирают. Пристав придёт в понедельник. Сказки кончились. Уже ничего не поможет.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Враньё. Ты слушай больше. Я же тебе сказал, я специально в Калугу поехал. Всё решили. На уровне губернатора решили. Ты понимаешь, никто не придёт к тебе. Живи спокойно.

НИНА. Знаю я твоих губернаторов. Наелась! Даже сейчас ты правду не скажешь.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нин, возьми деньги. Это же подарок.

НИНА. Убери их.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Нина!

НИНА. Убери! Забери я сказала! Уходи!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Возьми! Ну что-ты... Пригодятся же...

НИНА. Убери их.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Характер же у тебя!

НИНА. Возьми.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ладно, Нин, вот что, тут к тебе следователь приедет, из Калуги приедет.

НИНА. Это что, твои важные люди в Калуге...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да ты не бойся, дело-то пустячное, там мошенничество... Там, наверху, разберутся.

НИНА. И что?! Что ты хочешь!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Он тебе звонить будет – следователь. Приедет к тебе. Он, если тебя про меня будет спрашивать, ты там не говори ему особо. Скажи, что ты на пенсии, давно не работаешь. Скажи, что память слабая, сердце там. У тебя же сердце больное... Скажи, что документы все сгорели. Ну, помнишь, контора сгорела... Скажи, что молния попала, и справка об этом есть. Скажи, что ничего не знаешь. И на прямые вопросы не отвечай.

НИНА. Что попался?! И большие люди в Калуге не помогают!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Помогут мне. Нам помогут. Чего-ты эти бабские сплетни всё несёшь! Помогут. Ты слышишь, скажи ему, что ничего не знаешь, что с памятью плохо.

НИНА. А если не скажу, если скажу ему всю правду?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Какую правду?

НИНА. Что ты воровал.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не воровал я. Что ты несёшь!

НИНА. Что ты заключал фиктивные договоры, что ты обналичивал деньги, фиктивно продавал скот и землю. На что ты себе дом строил!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А ты не видела? Не знала!? Ничего не знала!? Белая овечка!

НИНА. Видела! Знала!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну а чего же ты молчала тогда? Где ты была тогда? Ну, пришла бы мне и высказала бы всё. Тогда бы высказала бы! Не сейчас! Ну... Ты же мне помогала это всё делать. Ты... Ты была бухгалтером, ты была моим заместителем, всё проходило через тебя. Ты сама не отвертисься. Поняла... Ну...

НИНА. Время было такое. Терпела. деньги нужны были, мать болела. А так... Да, верила! Понимаешь, верила... хотела верить...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А сейчас что, перестала верить?

НИНА. Перестала.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Вот так вдруг?

НИНА. Перестала, Коля. Ты же, помнишь, когда меня звал к себе работать, что ты мне говорил? – Нинок, пошли, будем с тобой наш колхоз спасать, инвесторы денег дадут, фермы построим, людям работу дадим.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. И что не строили и работу людям не давали?! Давали... Строили...

НИНА. «Нинок» – ты говорил, – «всё честно будет, ты же знаешь меня – я своих людей не бросаю, не бойся», – ты говорил, – «мы справимся.»...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. И что?! Чего тебе не так?!

НИНА. Да всё так. Просто ты всегда думал только о себе и ни о ком больше. Слова у тебя одни, а дела – другие.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Думал о себе, и что?! Ты всё видела. Ты была рядом. Ты получала деньги, зарплату.

НИНА. Зарплату?! Тебе было жалко мне лишние пять тысяч заплатить!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я думал о предприятии. Чего ты вспомнила тут? Всё донкихотствуешь! Всё хочешь с ветряными мельницами бороться! Святошей хочешь быть! Не выйдет!

НИНА. Врал ты мне.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ой! А ты прямо невинная овечка была. Скажи ещё, что меня любила до сих пор и всё такое...

НИНА. Любила.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну-ну.

НИНА. Любила, Коля. Дурой была.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Любила – разлюбила. Верила – разверила... Вот прямо любовь-морковь завертела.

НИНА. Если бы не ты, в Москве бы осталась. Может, жизнь у меня по-другому пошла.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Это значит, я во всем виноват, во всех твоих бедах. Это значит, ты из-за меня сюда вернулась!

НИНА. Там бы осталась, как девчонки остались. Может...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну и оставалась бы!

НИНА. Ты же звал. О любви говорил.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я?! Да что ты!? Вспомнила... Ты себе сама это придумала. Поэтическая душа. Дон-Кихот в юбке! Нашлась тут. У нас тут места простые... Не для твоего там Рафаэля. Вот придумала!

НИНА. Коля, какой же ты стал!..

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я? Шутишь...

НИНА. Или ты всегда был такой...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты там что хочешь думай. Нинка, не будь дурой. Послушайся меня, следовательно придёт – говори ему всё так, как я говорю.

НИНА. Помнишь то кафе у метро, у института? Помнишь?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ту забегаловку? В Москве?

НИНА. Ты приезжал из Калуги на электричке. Я тебя там кормила после электрички.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Эти противные пончики.

НИНА. Там было так уютно.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Грязно и холодно.

НИНА. А потом я тебя тайком проводила в общежитие, и ты лез по пожарной лестнице.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Трояк бы вахтёру дала – так бы пустили.

НИНА. И куда всё делось?!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Дурак я был.

НИНА. А я ждала тебя.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Эти холодные электрички.

НИНА. Ты мне казался таким суровым, сдержанным, таким правильным, таким практичным. Мне казалось, что на тебя можно положиться.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Можно положиться...

НИНА. А потом тебя окрутила Машка. Как я её ненавидела!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Потому что ты – дура.

НИНА. Что!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты дура, Нинка. Она меня не окучивала, чего меня окучивать?

НИНА. Не поняла.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. После танцев идём мы из клуба, там у стадиона. Одни остались. Она ко мне вроде липнет. Я ее за попу схватил и к стенке... Ну, и там всё завертелось.

НИНА. Ты что?!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А я её там охаживал и думал: дочку первого секретаря райкома... ну, папашка теперь не отвертится её... Забеременеет – придётся замуж за меня идти. А тебе, дуре, лапшу на уши повесил. Ты и слушала, как будто не видела. После института сюда приехала, добилась распределения. Я тебе сказал, что её не люблю, а ты и верила. Ты думала, что я её брошу! Нет, не бросил! А ты пять лет тут в любовницах ходила. Я тебе совру, а ты и веришь. А чего веришь! А думаешь, Машка не знала... Весь район знал. Молчали. В глаза не говорили. И ты всё знала! Знала и молчала. Сказку себе придумала. Пять лет по вторникам и пятницам юбку задирала. Что, позабыла! Если бы не твой Ванька ты бы так и бегала ко мне по пятницам да по вторникам, как кошка драная.

НИНА. Ты что! Ты... Ты подлец! Как же ты так! А Машка?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А чего ей...

НИНА. Как же ты с ней жил?! Ты её хоть немного любил?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Это ты всех любишь.

НИНА. Она так рано умерла из-за тебя.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Не смешивай... Это у них семейное. Я то в чём виноват?

НИНА. Одиннадцать лет её уже нет...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты чего? Прозрение настало? Розовые очки сняла?

НИНА. Ты хоть кого-нибудь любишь?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Чушь мелешь. Веришь там в небылицы всякие, в сказки, там в Рафаэля своего.

НИНА. Он же тебе нравился.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да ну...

НИНА. Как же ты живешь?! Зачем ты это мне всё сказал!? Ты не боишься!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Чего? Тебя?! Да ну, надоело мне. Вот смотреть на твои сказки... Надоело. Я тебя в колхоз позвал – пошла. Я тебя обнял, намек дал – ты подумала, что всё так же, как прежде... Я тебе сказал, что я бы и с радостью, да вот дети, да внуки – и ты опять поверила... А может, это не я такой плохой, а ты, раз веришь. Когда-то надо же правду сказать.

НИНА. Какую правду!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Могла бы себе кого-то найти в Москве, как твои подруги. Могла!? Не нашла. Тут ко мне любовь проснулась. У меня лучшая кандидатура нашлась. Ну а ты всё равно не отвязываешься. А мне что... Я молодой был. Мне хорошо. Две бабы лучше одной. Когда все шушукаться стали, тут Ваня тебе подвернулся...

НИНА. Ваню не трогай.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А что! Что твой Ваня! Спился он. А парень-то был душевный. В бред твой верил. Рафаэля твоего терпел. Да вот, видно, ты-то его не любила. Так, другого не нашлось.

НИНА. Кто ж ты такой!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А человек я. Нормальный и простой. Как все. А вот Ваня твой из-за тебя-то и спился. Не думала!? Послушай, это ты в своём мире живёшь, а у нас тут, Нина, мир другой, жестокий... С волками, сама знаешь, – по-волчьи и выть. Ты делай, как тебя просят, и будь в команде, тогда тебя не оставят, тогда проблем не будет, слышишь. Следовательно скажешь так, как я говорю. Я тебе позвоню, если что.

НИНА. А если я ему скажу так, как есть.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А что есть!? Ну!

НИНА. Что ты себя никогда не обделял.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. А ты опять ничего не видела!?

НИНА. Видела, Коля, видела! Только вот деваться некуда было. Детям надо было помогать, матери лекарства покупать. Молчала. Как должное принимала.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты не боишься? Ты тоже свои подписи ставила. Ты не боишься?!

НИНА. А чего бояться? Коля, раньше боялась. Каждого шороха боялась, каждого телефонного звонка – всего боялась..., а сейчас устала бояться... Всё равно мне уже... Три года, как всё разваливаться стало, боялась. Не поверишь – боялась. Боялась, что придут, что позвонят, что спросят. А сейчас уже всё равно. Устала я бояться. Устала. Расскажу! Вот расскажу!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Попробуй.

НИНА. Попробую.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты не знаешь, какие у меня люди в Калуге... Пойдёшь против – задавят, слышишь! Не думай! Тебя задавят и меня с тобой...

НИНА. Угрожаешь!?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты была бухгалтером, замом.

НИНА. И что?

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Я ещё пожить хочу. Я спишу всё на тебя. Я дам денег. Я выкручусь. Ты – не выкрутишься. Тебя во всем обвинят, запросто. Связи – у меня, не у тебя. Поэтому будь лапочкой, не рыпайся, сиди смирно и слушай там своего Рафаэля и не делай глупости.

НИНА. Ты не посмеешь!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Сними очки, Нина! Делай, как я говорю. Я не боюсь тебя! Ты меня бойся!

НИНА. Коля...

Слышится шум на лестничной клетке. Входят Сергей и Альбина.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. О, Серёжка. К маме приехал!

СЕРГЕЙ. Дядя Коля, Вы тут...

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Да, тут маму твою пришёл поздравить да и поговорить там о делах. Давайте, пока всем. Пора мне. А ты, Нина, будь умницей, поняла?

НИНА. Конверт возьми!

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ты что!?

НИНА. Забери его. Слышишь, забери!

Нина всовывает конверт Николаю Сергеевичу.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ. Ну ты и дура!

Николай Сергеевич выходит.

СЕРГЕЙ. Что у вас тут? Мам!?

НИНА. Да так. Я так рада, что вы приехали. Серёжка, как ты похудел там в Калуге. Альбина, а ты какая хорошенькая. Раздевайтесь.

Альбина достаёт из пакета поднос и отдаёт Сергею.

СЕРГЕЙ. Мам, а это тебе. Это поднос.

АЛЬБИНА. Смотрите, какой красивый!

НИНА. Ой, да. Ну зачем! Зачем вы тратились!?

СЕРГЕЙ. Мам, ну что-ты.

НИНА. Как вы там живёте? Что нового? Так редко звоните!

СЕРГЕЙ. Мам, ну...

АЛЬБИНА. Нина Сергеевна, Серёжа работает днями и ночами. Нам просто некогда. Такой ритм! И я не сижу на месте. У нас очень интенсивная жизнь — с Барятино не сравнить!

НИНА. Ехать-то всего сюда, ну, час-два. Уж заезжали бы.

СЕРГЕЙ. Мам, знаешь...

АЛЬБИНА. И в выходные приходится часто работать. У меня так самая работа в выходные, вы же знаете.

СЕРГЕЙ. Алечке бедной приходится и в выходные, и ночью ходить по клиентам. Таскать с собой этот тяжёлый портфель.

АЛЬБИНА. Да, Нина Сергеевна, вы себе не представляете, как надо соответствовать запросам моих клиентов. У меня клиенты – люди непростые. Это жёны депутатов, бизнесменов, чиновников. Я делала причёску самой жене губернатора. Надо соответствовать. Нужно и разговор поддержать, и быть на уровне. Нужно много читать и знать. Я сама должна на себя тратить много денег, чтобы быть на уровне. Если придёт какая-то там серость, без макияжа, без причёски, без маникюра... Ну, это никуда не годится.

СЕРГЕЙ. Алечка очень старается, мама.

АЛЬБИНА. Да, это, очень серьёзная работа. Надо и моду знать, и современные тенденции в моде, в дизайне, да и в культуре, в кино, в постановках... Мы с Серёжей ездим в Москву.

СЕРГЕЙ. Ну не часто...

АЛЬБИНА. А, ну да, как работа позволит, не часто.

НИНА. А ты как, Серёжа? Как у тебя с работой?

СЕРГЕЙ. Да так... Знаешь...

АЛЬБИНА. Серёжа работает на ответственной должности, вы же знаете. Ему надо соответствовать. Он ведь ходит по разным фирмам. Я ему говорю постоянно – надо и стричься чаще, и пиджак носить поновее. Он и в банки ходит, и в администрацию. А недавно и в драмтеатре обновлял программу. Я ему говорю : договорись на контрамарки, пусть тебе дадут.

СЕРГЕЙ. Ну, Алечка...

АЛЬБИНА. Конечно, он не договорился. Я вот всегда договариваюсь. Главное, уметь себя подать, уметь договориться. Ведь так!

НИНА. Скоро Таня с Ирой должны приехать. Даша с Катей придут. Я тебя перебила, извини.

АЛЬБИНА. Ну, ничего страшного. Бывает.

СЕРГЕЙ. Даша!?

АЛЬБИНА. Ты что, про эту простушку-соседку?

СЕРГЕЙ. Как Даша?

НИНА. Да так...

АЛЬБИНА. Ну, давайте лучше о вас, Нина Сергеевна.

НИНА. Я тут с Колей засиделась, а надо на кухню бежать. Придут же скоро.

СЕРГЕЙ. А Катя где?

НИНА. В магазин пошла и Таню с Ирой встретить. Может, видели её?

СЕРГЕЙ. Нет.

НИНА. Я пойду. Вы тут посидите пока. Ладно.

Нина уходит. Сергей и Альбина остаются одни. Альбина осматривается.

АЛЬБИНА. Я эту Дашу не потерплю! Понял! Чтобы даже не смотрел на неё!

СЕРГЕЙ. Аля...

АЛЬБИНА. Слышал! Она – прошлое. Знать её не хочу. Деревня – она, понял!

СЕРГЕЙ. Аля... Я просто спросил...

АЛЬБИНА. Знаю я. Понял!?

СЕРГЕЙ. Да, прости.

Молчат. Осматривают комнату.

АЛЬБИНА. Как здесь можно жить?!

СЕРГЕЙ. Всё детство здесь прошло.

АЛЬБИНА. Тоска. А мама твоя могла бы на день рождения и поопрятней быть.

СЕРГЕЙ. Ты про что?

АЛЬБИНА. Ты видел её ногти? Я тебе как специалист говорю — это же позор!

СЕРГЕЙ. Да ладно тебе.

АЛЬБИНА. С ней надо поговорить. По нашему делу.

СЕРГЕЙ. Прямо сейчас. В день рождения?

АЛЬБИНА. А когда!?

СЕРГЕЙ. Не знаю...

АЛЬБИНА. Потом приедут её подруги, придёт Катя. Ты же знаешь Катю. Катя простая, как твоя Даша... Я вообще не понимаю, как Катя в Москве столько лет жила!

СЕРГЕЙ. А чего?

АЛЬБИНА. Ну правильно. При её характере запросто так...

СЕРГЕЙ. Как?

АЛЬБИНА. Три месяца продержаться на одном месте, потом на другом... Она ни с кем не уживается...

СЕРГЕЙ. Это один раз было. Там просто к ней начальник приставал.

АЛЬБИНА. Все так говорят.

СЕРГЕЙ. Ну что ты.

АЛЬБИНА. Серёжа, надо с Ниной Сергеевной поговорить. А потом ты сам видел эту выписку по квартире с арестом. А помнишь, что Олег мне говорил про уголовное дело.

СЕРГЕЙ. Мама бы сказала.

АЛЬБИНА. Видишь, не сказала. А нам надо думать о себе. Ну сколько можно снимать квартиру! Нам нужно взять ипотеку. Всего-то не хватает немного. Если бы она согласилась дать свою квартиру в залог, нам бы дали ипотеку, и под небольшой процент. Надо поговорить, слышишь!

СЕРГЕЙ. Ты думаешь...

АЛЬБИНА. Серёжа, надо! Нина Сергеевна! Нина Сергеевна! Можно вас!

Появляется Нина Сергеевна.

НИНА. Что, Альбина? Может, чаю пока?

СЕРГЕЙ. Mam, знаешь...

АЛЬБИНА. Мы хотим купить квартиру в Калуге.

НИНА. Хорошо. У вас есть деньги?

СЕРГЕЙ. Mam, ну не то чтобы...

АЛЬБИНА. Мы возьмём ипотеку.

НИНА. Хорошо. Сейчас все берут.

АЛЬБИНА. Нам не хватает денег.

НИНА. Но у меня нет денег. В деревне, ты же знаешь, дом повалился. Хотела сруб поставить. Столько денег утекло. А на крышу уже не осталось, да и как-то накоплений особо не умею делать...

АЛЬБИНА. Нам не нужны деньги, Нина Сергеевна, я не про деньги.

НИНА. А про что?

АЛЬБИНА. Понимаете, нам, чтобы оформить ипотеку, нужен ещё один залогодатель.

НИНА. И что?

АЛЬБИНА. Мы подумали про вашу квартиру.

НИНА. В каком смысле?

СЕРГЕЙ. Mam, понимаешь...

АЛЬБИНА. Если её оценить, то это как раз будет нужная сумма залога. Я посмотрела, что ваша квартира может стоить около миллиона, если договориться с оценщиком. А я договорюсь. Я умею. Банк скостит двадцать процентов, и как раз.

НИНА. Не понимаю.

АЛЬБИНА. Ну вы же бухгалтер. Вы же с банками общались. Стоимость залога будет около миллиона. Банк её уменьшит на двадцать процентов. Получится около восьмьсот тысяч. Нам нужно ещё около шестисот тысяч, чтобы отдать в залог. Нам этого хватит.

НИНА. Альбина, Серёжа, я всё равно не понимаю. Вы хотите, чтобы я отдала квартиру в залог под ипотеку.

АЛЬБИНА. Да. Именно.

НИНА. Я не могу этого сделать.

АЛЬБИНА. Почему?

НИНА. Просто не могу. Не хочу.

АЛЬБИНА. То есть вы не хотите помочь своему сыну!?

НИНА. Альбина, давай не будем...

СЕРГЕЙ. Да, Алечка.

АЛЬБИНА. Серёжа, ты всегда уходишь в сторону. Я знаю, почему вы не хотите. У вас квартира под арестом. Смотрите...

Альбина достаёт листы бумаги.

АЛЬБИНА. Вот смотрите, тут написано: арест по решению суда. Вот мы с Сережей и хотели спросить, что это значит.

НИНА. Покажите.

АЛЬБИНА. Смотрите, вот тут.

НИНА. Арест?!

АЛЬБИНА. Да. И мне мой друг Олег из Следственного комитета сказал, что вы под следствием, что вы фигурируете по делу о мошенничестве с колхозом «Искра».

НИНА. Я!?

СЕРГЕЙ. Алечка...

АЛЬБИНА. Ну а чего, вы это знаете?!

СЕРГЕЙ. Mam, правда, Альбина мне вчера показала, а ты ничего не говоришь. Что у вас тут?

АЛЬБИНА. Мы рассчитывали на вашу квартиру, а она под арестом. А на вас и дело завели. Вы знаете, я и об этом хотела поговорить с вами. Вы же понимаете, в каких кругах я бываю. Если вас осудят, это может испортить мне карьеру. Это же станет всем известно, что мать моего мужа осуждена.

СЕРГЕЙ. Алечка...

АЛЬБИНА. И мы ничего не знаем.

СЕРГЕЙ. Mam, ну, правда, что у тебя тут происходит?

АЛЬБИНА. Да, что за арест? Вы же все планы нам испортили.

НИНА. Что-то мне нехорошо.

Нина садится на диван.

СЕРГЕЙ. Mam, я сейчас воды принесу.

Сергей уходит за водой.

АЛЬБИНА. Я тоже плохо спала сегодня. Знать, что мать твоего мужа вот ввязана во всякие аферы, что квартира арестована! Ну, знаете, это уже слишком!

НИНА. Понимаешь, я ведь сама ничего не знаю.

АЛЬБИНА. Ну как это?

НИНА. Был суд. Там они что-то говорили. Я как в тумане была.

АЛЬБИНА. И что суд?

Приходит Сергей.

СЕРГЕЙ. Mam, попей. Может, таблетки какие тебе выпить.

НИНА. Дай там в шкафу. Вон там.

Сергей достаёт таблетки. Нина пьёт.

АЛЬБИНА. Так что суд!?

НИНА. Понимаете. Я подписала договор поручительства. Квартиру у меня отнимут. Она уйдёт с торгов.

АЛЬБИНА. Это как так!? Что вы сделали! Зачем вы это подписывали!? У нас же уже все документы были готовы. Мы же не сможем взять ипотеку!

СЕРГЕЙ. Mam, ну, правда. Что ты за договоры такие подписала!? Это же думать надо!

НИНА. Долго рассказывать. Подписала. Надо было. Подписала как должностное лицо, как заместитель. Давно уже было, пять или шесть лет назад.

СЕРГЕЙ. Ты останешься без квартиры!?

АЛЬБИНА. Вы знаете, Нина Сергеевна, мы и так снимаем однушку. Потом у нас и личная жизнь своя, и работа. Я сразу говорю, принять вас не сможем.

СЕРГЕЙ. Алечка!

НИНА. Я же не прошусь.

АЛЬБИНА. Я вас предупредила просто... ну, чтобы не думали...

СЕРГЕЙ. Алечка! Mam, а почему ты не сказала?

НИНА. Может, всё бы обошлось...

АЛЬБИНА. И что за дело у вас!? Вы понимаете, у нас одна фамилия. Вот не надо было брать твою фамилию... Русакова... Да ну...

СЕРГЕЙ. Алечка!

АЛЬБИНА. Ну, а что. Я приду к Алле Петровне, и она скажет, что не хочет чтобы её стригла я, связанная с уголовниками, – родственница Русаковой из Барятино.

НИНА. Это какое-то недоразумение. Коля сказал, что всё будет хорошо.

СЕРГЕЙ. Тебе легче?

НИНА. Да. Лучше вроде.

АЛЬБИНА. То есть квартиру у вас отнимут!? Так?!

СЕРГЕЙ. Алечка...

НИНА. Да. Я ничего не могу сделать.

СЕРГЕЙ. Mam, ну как так?

АЛЬБИНА. Вот дела! Семейка! А уголовное дело – вы молчите...

НИНА. Я не знаю, что там. Мне никто не говорил ничего.

АЛЬБИНА. Я вообще не представляю, как мне быть. Серёжа, я так и знала.

СЕРГЕЙ. Ну что ты...

АЛЬБИНА. Все планы рушатся, Понимаешь! Я так долго ездила, подбирала варианты. И всё!

СЕРГЕЙ. Алечка, не нервничай. Не расстраивайся, Алечка!

АЛЬБИНА. А потом мне правильно говорил Олег, что странное это дело. И как я буду ходить в приличные дома, чтобы мне все говорили, что у меня родственники – уголовники. Понимаешь, уголовники!

СЕРГЕЙ. Ну Алечка, может, всё обойдётся... А, мам?

НИНА. Я не знаю...

АЛЬБИНА. Ну, вот видишь, она ничего не знает. Вы же нас всем этим подставляете. Вот Сергею, может, из-за этого тоже допуск не дадут.

СЕРГЕЙ. Какой?

АЛЬБИНА. Ну я на будущее... Я не знаю, как так можно. Я просто шокирована! Нина Сергеевна, ну, так нельзя! Ну, вы даёте! Вроде приличная женщина, бухгалтером работали. Я такого не ожидала.

СЕРГЕЙ. Алечка...

НИНА. Вы только Кате не говорите ничего.

АЛЬБИНА. И она всё пытается скрыть! Не понимаю твою мать!

НИНА. Не надо ей говорить.

АЛЬБИНА. Семейка! Не беспокойтесь, мы и так собирались сегодня вернуться в Калугу.

НИНА. Сегодня?

СЕРГЕЙ. Да, мам. Нам ещё к Паше надо успеть. У него там у жены день рождения, понимаешь. Мы посидим немного...

АЛЬБИНА. У меня есть знакомые, хорошие адвокаты. Вам надо к ним обратиться. У вас есть деньги? Хоть какие-то?!

Нина встаёт. Идёт к шкафу, роется. Достает деньги. Начинает считать.

НИНА. Что-то ничего не понимаю. Куда-то делись. Здесь было тридцать семь тысяч, а сейчас всего семь.

Альбина показывает Сергею жестами, что с Ниной не всё в порядке.

АЛЬБИНА. А может, всё таки у вас здесь было семь тысяч?

НИНА. Нет, точно помню. Куда-то делись.

АЛЬБИНА. Ну, в общем, вот телефон. Я сейчас вам запишу. Звоните сюда. Скажете, что от Альбины. И знаете, вот, я с таким впервые сталкиваюсь. Это поразительно.

СЕРГЕЙ. Алечка...

АЛЬБИНА. Нет, Серёж. Ну, вы прямо аферистка какая-то. Я вообще не удивлюсь, если потом по новостям скажут, что в Бярятино раскрыли аферистов и мошенников во главе с твоей мамой. Я о вас, Нина Сергеевна, была намного лучшего мнения... Да, Серёжа!

НИНА. Куда же деньги делись? Кате, вроде, не давала...

На лестнице раздаётся шум.

АЛЬБИНА. Может, куда положили?

НИНА. Так вы уедете?

СЕРГЕЙ. Мам, ну, дотемна хотим, ты извини.

НИНА. Да...

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Входят Ирина, Татьяна и Катя. У Ирины и Татьяны в руках пакеты, коробка с тортом.

ТАТЬЯНА. Ну и долго же мы добирались!

ИРИНА. Нинка, ну какая ты красивая! А чего не переоделась?

ТАТЬЯНА. Ниночка! Как я рада тебя видеть!

НИНА. В расплох застали. Пришла только.

ТАТЬЯНА. Серёжка. Ну как ты подтянулся. А Катю я еле узнала. Да, Кать.

КАТЯ. Я Вас узнала.

ИРИНА. Ну ещё бы нас не узнать. В вашем-то захолустье высадились такие шикарные дамы, как мы. А, Нинка! Ну давай тебя расцелую, иди сюда. Хоть живьём тебя увидеть!

ТАТЬЯНА. Всё по телефону, да по телефону.

Нина, Таня и Ирина обнимаются.

ИРИНА. Три года прошло. Как быстро время идёт! Нинка! Здорово же! Милая ты моя! С днём рождения, дорогая! Радость моя!

НИНА. Спасибо, девочки! Спасибо!

ТАТЬЯНА. Нинка, так рада тебя видеть! С днём рождения тебя! Держи хвост пистолетом! Ир, ну где ты там!

ИРИНА. Нинок, слушай, как хорошо, что ты нас опять позвала. Так хорошо встретиться, посидеть! Живьём пообщаться! А то тебе позвонишь, чего ни спросишь, у тебя всё нормально, ничего не расскажешь. А смотри, выставила пластинки с Рафаэлем. Ну ты молодчина!

КАТЯ. Mam, я на кухню пойду.

НИНА. Ой да. Вы садитесь.

ИРИНА. А подарок!?

НИНА. Сейчас, сейчас я платье одену. Подождите.

Катя и Нина уходят.

ТАТЬЯНА. Серёжка, а это жена твоя?

СЕРГЕЙ. Альбина. Алечка.

АЛЬБИНА. Альбина.

ИРИНА. Ой, Альбиночка. Красивая!

АЛЬБИНА. А вы Ирина и Татьяна. Мне Сергей много рассказывал о вас.

ТАТЬЯНА. Ну и хорошо. Так устали с дороги.

АЛЬБИНА. Это мои визитки.

ИРИНА. Вы стилист?

АЛЬБИНА. Да, широкого профиля.

ТАТЬЯНА. Хорошо.

АЛЬБИНА. Я и в Москву езжу, если надо. Могу приехать. Если у вас есть знакомые, буду рада, если вы меня порекомендуете, в долгу не останусь.

СЕРГЕЙ. Алечка...

АЛЬБИНА. Обычно я за рекомендацию делаю что-то бесплатно.

ТАТЬЯНА. Хорошо.

ИРИНА. Ясно. А ты как Серёж?

АЛЬБИНА. Я ещё хотела сказать, что меня вся Калуга знает. Я известный мастер и недавно делала прическу жене губернатора. Вы слышали о нашем губернаторе?

ТАТЬЯНА. Что-то слышали.

АЛЬБИНА. У нас очень продвинутая область.

ИРИНА. Серёж, мама говорила, в Калуге живёте?

СЕРГЕЙ. Да, в Калуге.

АЛЬБИНА. Мы там снимаем квартиру. Хотели ипотеку взять...

СЕРГЕЙ. Алечка...

ИРИНА. И что?

АЛЬБИНА. Не получилось. Вот думаем.

ТАТЬЯНА. Ясно. Давно мы не были у вас в Барятино.

АЛЬБИНА. Мы не из Барятино уже.

СЕРГЕЙ. А я помню, как вы к нам приезжали, когда я ещё в школе учился. Вы тут жили дня три.

ИРИНА. Да, было дело. Но ничего у вас не поменялось.

АЛЬБИНА. Здесь же деревня. Чему тут меняться. Вот в Калуге столько нового построили.

ТАТЬЯНА. Мы даже ничего не успели увидеть, только в магазин зашли, да как-то Катька нас погнала, и бегом сюда.

ИРИНА. Вино вот. Тань, доставай на стол.

Татьяна достаёт из пакетов две бутылки вина.

ТАТЬЯНА. Да, это мы тут в Севилье были на концерте Рафаэля и вот привезли.

АЛЬБИНА. А мы с Сергеем в этом году в Турцию ездили, в Альбену. Знаете!?

ТАТЬЯНА. Нет.

ИРИНА. Что-то слышала.

АЛЬБИНА. Там так красиво. Знаете, так дешево! Серёж, скажи.

СЕРГЕЙ. Да.

АЛЬБИНА. Там можно килограмм груш вообще за копейки купить. Мы там в гостинице жили. А вот в Испании не были.

ТАТЬЯНА. Ну визы просто дают. Платишь пошлину, покупаешь билет и летишь.

ИРИНА. У нас вообще мультивиза.

ТАТЬЯНА. Да, мы стараемся чаще выбираться. Чего здесь делать. Москва – это же такой ужасный город. Ну совсем не Европа.

ИРИНА. Там, в Испании, ну просто расслабляешься. Вот, как другой мир. Скажи, Тань.

ТАТЬЯНА. Да. Мы тут пока на автобусе до Барятино ехали, я уж всё прокляла, просто ужасная поездка, какая-то серость вокруг, темно, просто слов нет, да и возраст уже...

ИРИНА. Вспомнила про возраст.

АЛЬБИНА. А вы чем занимаетесь? Если не секрет?

ТАТЬЯНА. Альбин, ну обычно всё – я главный бухгалтер в одной немецкой компании, а Ира сейчас своим бизнесом занимается. Да, Ир?

ИРИНА. Да, пиаром.

АЛЬБИНА. Как увлекательно! Вот, Сереж, как надо. Вы такие ухоженные, симпатичные, сразу видно – деловые женщины.

ТАТЬЯНА. Тяжело уже, конечно. За молодежью не угонишься. Надо уже и на покой.

ИРИНА. Какой покой?! У меня вот недавно новый клиент появился, надо расширяться... Ты что! Какой покой?! Тут я...

Появляется Нина в хорошем, но простом платье.

ИРИНА. Ну, ну... Тань, посмотри...

ТАТЬЯНА. Вот другое дело.

ИРИНА. Слушай, вот это тебе, Нин, ну, мы тебя вместе поздравляем.

ТАТЬЯНА. Да, Нин, от чистого сердца.

ИРИНА. Мы так рады, что мы все вместе! Ты такая умница!

ТАТЬЯНА. Оставайся всегда такой – лучистой, доброй, отзывчивой, красивой...

ИРИНА. Вот, это от нас. Держи!

Ирина даёт Нине коробку конфет и торт. Татьяна достаёт шарфик и кофточку.

ТАТЬЯНА. Смотри, этот шарфик мы с Ирой купили в Барселоне.

ИРИНА. И вот кофточку, смотри, примерь.

Нина примеряет кофточку, прикладывая её к себе.

НИНА. Спасибо. Спасибо, дорогие. Не стоило.

АЛЬБИНА. А чего, идёт. И цвет ваш.

ИРИНА. Тань, ну, я говорила – её цвет.... Ну.

ТАТЬЯНА. А шарфик...

ИРИНА. Ну прямо, парижанка!

АЛЬБИНА. Красотка!

ИРИНА. А это тебе.

НИНА. Это что?

ИРИНА. Это мы тебе специально купили. Были недавно в Севилье, а потом в Мадриде, в магазине купили пластинку Рафаэля – старую. Ты же вроде их слушаешь.

НИНА. Ой...

ИРИНА. У тебя такой нет, наверняка.

НИНА. Какие вы молодцы. Спасибо. Дайте я вас обниму всех, девочки.

ТАТЬЯНА. Как ты живешь-то?

НИНА. Да по-старому. Ничего нового. Чего у нас здесь нового?! Живём... Нормально...

ИРИНА. В Москву-то не планируешь переехать?

НИНА. Да куда мне уже. Годы-то...

ИРИНА. А чего! Какие годы!? Ты чего, Нин! Мы тут с самолета на самолёт...

ТАТЬЯНА. Да, Нин. Мы же тебя сколько звали с нами. Сейчас же просто всё.

ИРИНА. И недорого... относительно.

ТАТЬЯНА. Да, чего ты тут забыла?

ИРИНА. Там другой мир. Закисла ты тут.

ТАТЬЯНА. Ну, ладно тебе. А, Нин, весной поедem в Париж? Рафаэль в Олимпии будет выступать, А?

НИНА. Ну, девочки, куда мне.

ИРИНА. А что? ну что?

НИНА. Нет, у меня же хозяйство тут.

ИРИНА. Да ну, придумала же ты – хозяйство!

ТАТЬЯНА. Ну да, а перед Парижем заскочим в Барселону, Погуляем по Рамбле, А?

Появляется Катя. В руках у Кати бутылки с вином.

КАТЯ. Мам, давай на стол накрывать. Серёж, иди помоги мне.

ИРИНА. А что Серёжка? Тань, ну чего мы на Катю все заботы возложили. А ну, пойдёмте все. Сейчас всё устроим. Это у тебя что?

НИНА. Вино купили. Испанское вино.

ИРИНА. Нет. Это, Нина, гадость дешёвая. Вылейте её и не пейте. Вот настоящее вино (*показывает на стол, где стоят две бутылки*).

КАТЯ. А чем наше вино не такое.

НИНА. Катя, ладно.

ИРИНА. Не спорьте. Я весь мир объездила — знаю. Пойдём, Тань, поможем...

НИНА. Ну что вы, вы же гости.

ТАТЬЯНА. Пойдёмте, Альбина, пошли.

Все уходят на кухню. Слышится звон тарелок, шум...

Затемнение.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Вечер. В комнате Ирина, Татьяна, Нина, Катя.

ИРИНА. Кать, скажи, ну и как тебе здесь?

ТАТЬЯНА. Сколько ты тут?

КАТЯ. Две недели.

ИРИНА. И как после Москвы? Тоска, наверное?

КАТЯ. Нормально. Я же здесь родилась.

ИРИНА. Ну да... Я в своей Кинишме уже лет двадцать не была... А ты, Тань, в своём Монино?

ТАТЬЯНА. Да уж тоже давно. Там у меня никого и не осталось, даже не знаю, что там... Кать, а чего ты сюда-то приехала?

КАТЯ. Развелась и приехала. Москва надоела.

ИРИНА. Чего там надоедать? Там жизнь...

Входит Даша с подносом, чашками и чайником.

ДАША. Вот и чай.

КАТЯ. А здесь жизни нет!?

ИРИНА. Я думаю, что нет...

ТАТЬЯНА. Да ладно тебе, Ир.

Даша расставляет чашки и прислушивается к разговору.

ИРИНА. Ну нет тут жизни... Ну....

ДАША. Это вы о чём?

КАТЯ. О том, что тут нет жизни.

ДАША. Ой, да везде она есть. У нас тут и артисты приезжают, и кино показывают, и спортивные мероприятия. А книги! Посмотрите, сколько книг у тёти Нины. Я их читаю.

ИРИНА. Тань, ты послушай.

ТАТЬЯНА. Ну а что. Хорошо.

ИРИНА. Дашенька, книгам место, в нашем веке, на помойке.

ДАША. Почему?

ИРИНА. Это прошлый век! Если и читать, то электронные книги.

ТАТЬЯНА. Ну не совсем так.

ИРИНА. Почему! Книги — это пыль, от них идёт запах.

Ирина встаёт, подходит к стеллажу с книгами и берёт книгу.

ИРИНА. Ну вот, смотрите, страницы пожелтели. А запах! Пылесборники. Тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год! Серия «Школьная библиотека». Наверняка всё это есть в Интернете.

ТАТЬЯНА. Ирина...

ДАША. А я не согласна!

ИРИНА. Я не спорю. Хотите — держите. Я у себя всё это давно выбросила.

КАТЯ. И пластинки с Рафаэлем выбросили?

ИРИНА. Ну, пластинки с Рафаэлем — это особенное.

ТАТЬЯНА. А остальные она выбросила, можете не сомневаться.

ИРИНА. И правильно. Это всё лишнее. Надо жить сегодня, а не вчера. Вот, видите. *(Ирина показывает свой телефон)*. Всё в нём есть. Я стараюсь каждый год покупать новые модели, чтобы быть в тренде.

КАТЯ. Если бы у нас было столько бабла, мы были бы тоже в тренде.

ИРИНА. Я считаю, что каждый может заработать.

ТАТЬЯНА. Давайте сменим тему.

ИРИНА. Почему же, Тань?! Ну, я не могу смотреть, когда здоровые люди ноют. Ну, идите — идите и зарабатывайте. У вас открыты все дороги, все пути, не так, когда я в этом дурацком Совке девчонкой, без ничего, приехала в Москву.

ТАТЬЯНА. Ну, ты не преувеличивай.

ИРИНА. Да, у меня тогда в Совке не было никаких возможностей! Там нечего было достигать!

КАТЯ. Достигли же.

ИРИНА. Только непосильными усилиями.

КАТЯ. Задом или передом?

ТАТЬЯНА. А я люблю книги. *(Громко).*

НИНА. Катя!

ИРИНА. Ты про что, Катя?

КАТЯ. Проехали.

ТАТЬЯНА. Может, сменим тему.

ДАША. Нет. Я, знаете, за прогресс, или как там он называется.

ИРИНА. Ну и...

ДАША. Но зачем же вот так выбрасывать, зачем же книги пылесборниками называть!

ИРИНА. А по-твоему, нет!

ДАША. Нет. Я люблю вечером лечь на тахту, открыть книжку и читать.

ИРИНА. Очень странное явление.

ДАША. Вы про что?

ИРИНА. Я говорю, что очень странно, когда девушки такого возраста, как ты, читают.

ДАША. Я читаю.

ИРИНА. Ой, ну ладно, я и забыла, что в такой глуши делать?

ТАТЬЯНА. Ирин, ну что ты.

НИНА. Даша — очень чуткая, ранимая девушка. Ей бы учиться пойти — она бы многого достигла.

КАТЯ. Mam, давай, правда, а то затеяли с этими книгами. Что с ними говорить.

ДАША. А я читаю. И буду читать. И вот эти пожелтевшие книги будут читать. В них — душа, понимаете... Ты листаешь эти страницы и знаешь, что их до тебя двадцать, тридцать лет назад кто-то читал, кто-то думал, кто-то переживал над всеми этими страницами...

ИРИНА. Дашенька, читай на здоровье.

ДАША. Стойте. Вот ещё что...

ИРИНА. Ну что ты завелась.

ДАША. А жизнь у нас есть!

КАТЯ. Даша, они не о том. Не о той жизни.

ДАША. А о чём же!?

КАТЯ. Что здесь не тот колорит, атмосфера не та, не те люди.

ИРИНА. Ну, возможно.

ДАША. Тогда я не понимаю...

НИНА. Давайте чай пить.

ТАТЬЯНА. Да, давайте....

КАТЯ. Ладно, мне коз надо сходить покормить.

НИНА. Катя!

КАТЯ. Пойду. Проветрюсь. Душно тут.

НИНА. Давай я.

КАТЯ. Пойду.

ТАТЬЯНА. Далеко идти?

КАТЯ. До деревни, километра два

ТАТЬЯНА. Далековато.

ИРИНА. А что Сергей и Альбина так рано уехали?

КАТЯ. Да кто их знает...

ИРИНА. Ты, Даша, при Серёжке прямо не своя была.

НИНА. А вино-то какое вкусное привезли вы! (*Громко*).

ИРИНА. Ты чего, Нин! Что не так сказала?

НИНА. У них ещё дела в Калуге какие-то.

ТАТЬЯНА. Какие-то они серьезные...

КАТЯ. Альбина делишки свои делает. Ну кто она такая?! Стилист... парикмахерша, а амбиций полон рот. Да ну её.

ИРИНА. Даша, ты что, ты куда?

Катя уходит. Даша убегает за печеньем.

ДАША. Про печенье забыла. Сейчас.

ИРИНА. Я что-то не то сказала?

НИНА. Роман у них был.

ИРИНА. У Дашки с твоим Серёжкой?

НИНА. Да. Учиться собирались вместе. Поступать хотели. Они же с детства вместе. А потом вот с её мамой несчастье. Куда уж там учиться. Отец в Сибири, на вахте. Его и не видели. А мама её, Антонина, покойница, столько лет мучилась. Девчонка настрадалась. Мой-то Серёжка поначалу приезжал. Несколько лет. А потом всё реже. А потом и Альбина появилась. Вот так жизнь как-то их и развела.

ТАТЬЯНА. Хочешь сказать, что она его любит до сих пор. Прямо весь вечер какая-то и вправду не своя была.

НИНА. Да кто знает, может, надеется.

ТАТЬЯНА. Что он приедет сюда?

ИРИНА. Зря она надеется. Не приедет. Самой надо ехать. Добиваться.

НИНА. Ладно. Пойду посмотрю, что с ней.

Нина выходит.

ИРИНА. Слушай, и нам здесь ещё целую ночь ночевать...

ТАТЬЯНА. Тише ты! Переночуем, ничего.

ИРИНА. И гостиницы здесь нет. Вот в Испании мы бы точно в любом захолустье бы нашли хорошую гостиницу...

ТАТЬЯНА. Ладно тебе. Здесь же не Испания.

ИРИНА. Я и говорю – не Испания. Деревня и разруха.

ТАТЬЯНА. Но они же не виноваты в этом.

ИРИНА. Наверное...

Появляется Нина. За ней Даша с тарелкой с печеньем.

ДАША. Чай с травами. Пейте. У нас соседка одна собирает. Вкусно получается.

ИРИНА. Попробуем.

ТАТЬЯНА. А давайте включим Рафаэля, а?

НИНА. Давай, конечно... потанцуем.

ТАТЬЯНА. Катя такая серьёзная! Я прямо боялась что-то сказать при ней.

НИНА. Да тяжело ей там было.

ТАТЬЯНА. Какую включить?

ИРИНА. Давай "Escandalo". А! Встряхнёмся! Девочки! Таня, Нина!

ДАША. А я с вами. Я люблю потанцевать.

НИНА. У меня что-то голова болит. Я посижу.

Звучит песня в исполнении Рафаэля «Escandalo». Таня, Ирина, Даша начинают танцевать.

ИРИНА. А полы-то тут скрипят!

ДАША. Старый дом. Скрипят!

ИРИНА. Давайте, Живее! А ну...

Таня, Ирина, Даша танцуют и по ходу танца пытаются вовлечь в танец и Нину.

ТАТЬЯНА. Нинка, ну же... Давай, веселись!

ИРИНА. Давай, подхватывай её. Дашка помогай.

НИНА. Нет, нет.

ДАША. Может, не надо.

ИРИНА. Как не надо!?! Танцевать. День рождения. Веселиться надо!

ТАТЬЯНА. Давай!

Таня, Ирина, Даша хватают Нину, и все вместе продолжают танцевать. Когда заканчивается музыка, уставшие, они садятся на диван и в кресла и пьют чай с печеньем.

НИНА. Давно так не танцевала.

ТАТЬЯНА. Да что ты! Помнишь, как в общежитии. После танцев придём, все распалённые, и хочется веселиться, а назавтра – занятия. Надо спать.

ИРИНА. И эта комендантша...

НИНА. Хорошие были времена.

ТАТЬЯНА. А помните, как в конце апреля мы поехали в Ленинград и там зависли на три дня.

ИРИНА. Отлично. Я потом простудилась.

НИНА. И было всё равно, что у нас зачёты, что будут неуды. Там был наш Рафаэль, нас ждал его концерт, встреча с ним. А я не помню, как мы умудрились туда попасть, достать билеты.

ТАТЬЯНА. А ты забыла уже всё. Это же был целый детектив.

НИНА. В каком смысле.

ТАТЬЯНА. У моего отца был сослуживец в Ленинграде. Я знала, там же проще, чем в Москве, было билеты купить на Рафаэля. И город меньше. Там целую операцию провернули и достали билеты.

ИРИНА. Да уж. Не забуду, как ночевали после концерта на вокзале. Первое мая – билетов нет, уехать нельзя.

ДАША. А как вам тот концерт? Неужели вы до сих пор его помните?! Какой это был год?

НИНА. Конечно! Помню! Семьдесят первый...

ТАТЬЯНА. Помню, ещё как! Это было такое событие. Он на сцене. Живой! Понимаешь! Живой!

ДАША. Не очень. В каком плане!?

ТАТЬЯНА. Ну, понимаешь. Он, Рафаэль, был как человек не отсюда. Вообще, как с другой планеты. И вот, ты в этом зале, в Октябрьском, и он ходит, поёт.

НИНА. И смотрит на нас. Помнишь!?

ТАТЬЯНА. Да, он смотрел на нас. Прямо на нас.

ИРИНА. Так это просто казалось.

ТАТЬЯНА. Да нет, Ирка. Он реально смотрел тогда на нас. Я же помню. Он раз смотрел, потом через песню ещё раз смотрел. А потом ещё. Мы ему понравились.

НИНА. Смотрел. Точно смотрел.

ИРИНА. Я не спору.

ДАША. Неужели надо было ехать в Ленинград?!

ТАТЬЯНА. Да ты просто не жила в то время. Я же говорю. Ну, пойми — мы не ездили тогда по границам.

ИРИНА. Как вспомнишь! Идиотская была страна!

ТАТЬЯНА. Даже иностранцев не видели. А тут прошёл фильм «Пусть говорят». Все его видели, все знали. Там песни. Слышала их?

ДАША. Слышала.

ТАТЬЯНА. Ну! И он казался таким недостижимым. А тут дядя Паша из Ленинграда звонит нам в Монино и говорит, что 30 апреля есть билеты, приезжайте. Представляешь!?

ДАША. И вы поехали. А в Москве что, нельзя было?

ТАТЬЯНА. Нельзя, Даша. Всё раздали по всяким профсоюзам и партийным всяким... Бросили всё. Побежали на Ленинградский вокзал покупать билеты. Любые. Хоть пешком идти.

ИРИНА. Идиотки были совершенные.

ТАТЬЯНА. Ты не представляешь, сколько было радости. Я просто считала минуты, часы до того, как там окажусь. Не дай бог заболеть, опоздать. А Нинка вообще была как в прострации. Мы же, ты не знаешь, чуть учёбу с ней не забросили — только и ходили смотреть «Пусть говорят» с Рафаэлем. Ели только хлеб, в столовую не ходили — лишь бы хватило денег на кино.

ИРИНА. Чего только в молодости не делаешь.

ТАТЬЯНА. Ир, ты про что?

ИРИНА. Про глупости.

ТАТЬЯНА. Я иногда тебя не понимаю.

ИРИНА. Да что там, ладно...

ТАТЬЯНА. Даш, в общем, понимаешь, может, и глупые мы были тогда, но для нас это было как чудо. Вот оно чудо, которое ты целый год ждал, становится реальностью. И вот оно это чудо стоит на сцене — поёт, двигается. И тогда нам казалось, что жизнь удалась. Правда же. Вот оно было счастье.

НИНА. Ты ей расскажи, что мы и на следующий день остались.

ДАША. Зачем?

ТАТЬЯНА. Чтобы первого мая на его концерт попасть. А билетов у нас не было. Их вообще не было. А мы надеялись.

ДАША. И попали!?

ИРИНА. Попали. Ирка устроила. Вы же только ныть можете. А потом завидовать. А как что, так Ирка.

ТАТЬЯНА. Ну ладно тебе.

НИНА. Ир, ну мы же помним.

ДАША. Так что же вы сделали?!

ИРИНА. Да ничего особенного. Немного наглости, немного храбрости и вперёд.

ТАТЬЯНА. Я вообще трусила. Просто тряслась.

ДАША. Так что вы сделали!?

ИРИНА. Ну, охраны тогда особой не было. Бандитов и террористов не было... Я прикинулась заблудившейся испанкой из группы Рафаэля, а Тане с Нинкой сказала молчать и делать вид, что они иностранки.

ТАТЬЯНА. Ты не представляешь, как это было трудно изображать из себя иностранку при нашей советской одежде.

ИРИНА. Да ладно. Изобразили же. Танька усиленно делала вид, что жевала жвачку. Нинка из себя какую-то сумасшедшую изображала. Какая-то вахтёрша нас пропускать не хотела. А я ей: маньяна амор диган ло ке диган эрмано порфабор ма карасон грацияс андестенд бите данкешен ориведерчи рома оревуар гудбай май бэби.

ДАША. Это что?

ИРИНА. Это было всё, что я знала. Бабулька не поняла ипустила. А девочки тут зажалась и чуть не провалили всю затею. Вахтёрша неладное почувствовала. Пришлось опять вспоминать типа: вис гёрлз вис ми корасон порфабор бессамо мучо. Ну, бессамо мучо подействовало — пропустила и расплылась в улыбке.

ДАША. Вот даёте.

ИРИНА. Да. А потом мы уже оказались за сценой. И по коридору шёл он.

ДАША. Кто?

ТАТЬЯНА. Рафаэль!

НИНА. Прямо на нас, понимаешь.

ТАТЬЯНА. Метр за метром.

ИРИНА. Всё ближе и ближе.

ДАША. И что?

НИНА. А мы не знаем, что ему сказать.

ДАША. Как?!

ТАТЬЯНА. Ну как, я учила немецкий. Нина, ты тоже, да?

НИНА. Ну да.

ИРИНА. Я английский.

ТАТЬЯНА. Да и то. Ну что мы помнили! Вот он идёт к нам, смотрит на нас, а что мы ему скажем?

ДАША. И что!?

НИНА. А потом, ну, у нас не то воспитание было. Как с ним заговорить? Что ему сказать? Как себя перебороть?

ДАША. Ну и что?! Вы так и стояли!?

ИРИНА. Мы улыбались.

ТАТЬЯНА. Как три русские идиотки.

НИНА. Да, просто стояли, смотрели и улыбались, и у нас не было слов. Лично у меня просто всё онемело.

ДАША. А потом!?

ТАТЬЯНА. А потом он просто прошёл к себе в гримёрку, и всё. А мы пошли в зал.

ИРИНА. Самое интересное – другое. Билетов в Москву не было. Купить было невозможно – было первое мая. И в результате, мы поехали обратно на электричках. Устали ужасно.

ДАША. Это же интересно!

ТАТЬЯНА. По крайней мере, есть, что вспомнить. Вот я этот коридор, Рафаэля помню посекундно. Даже сейчас, когда я могу купить билет, ну, в принципе, хоть куда — в Майами, Мехико, Париж, Мадрид и попасть на его любой концерт – а вот те мгновения — они стоят...

НИНА. Всей жизни стоят.

ДАША. А потом!?

НИНА. Что потом?

ДАША. Потом он приезжал? Вы ходили на его концерты?

НИНА. Билеты было сложно достать. Они же так просто не продавались.

ДАША. Как так?

ИРИНА. Понимаешь, в продаже билетов было немного, да и администрация их сама раскупала, а остальные распространяли через всякие партийные и прочие организации, будь они неладны.

ДАША. И вы больше не ходили на его концерты.

ИРИНА. Ну как не ходили! Ещё как ходили! Скажите Ире спасибо. Ира была и комсоргом, и профоргом.

ДАША. Это кто такие?

ИРИНА. Должности такие советские, будь они неладны. Но, в общем, доставали мы билеты. В семьдесят втором он осенью пел. Я билеты достала.

ТАТЬЯНА. Ты скажи про Минск, про Вильнюс.

ИРИНА. Точно. Он пел в Минске, а потом в Вильнюсе, и туда мы ездили.

ДАША. А больше с ним не встречались?

ТАТЬЯНА. Пытались. Но только издалека его видели, не так близко, после концерта, когда толпа таких же, как мы, ждала его. Нет, такого, как в Ленинграде, больше не было.

НИНА. А потом он долго не приезжал.

ТАТЬЯНА. И приехал только в семьдесят четвёртом году.

ДАША. И что?

ТАТЬЯНА. Меня распределили работать в Сибирь, и я приехать не могла.

ИРИНА. Он приехал тогда осенью. Я из нашей тройки попала одна. Меня как раз приняли в партию, и я достала билет. Вот так.

НИНА. А я вернулась в Барятино.

ДАША. И что?

ИРИНА. Для Нинки тоже был билет, но она не поехала...

НИНА. Да как-то не получилось. Не отпустили меня из колхоза.

ДАША. И больше вы на Рафаэля не ходили!?

НИНА. Все вместе нет.

ДАША. А он еще приезжал?

ТАТЬЯНА. В семьдесят восьмом.

ДАША. И что?

ТАТЬЯНА. По отдельности. Я была. Ирка тоже была. Да и Нина... Помнишь?

НИНА. Мы с Ваней как раз встречались тогда уже.

ТАТЬЯНА. Он повёз её на концерт Рафаэля.

ДАША. Как?

НИНА. Ваня тогда водителем работал здесь. Как-то приезжает и говорит мне, чтобы я одевала самое лучшее платье. А я думаю, что такое, зачем? Что-то неладное, подумала.

ДАША. А что потом?

ТАТЬЯНА. А потом он её увёз.

ДАША. Куда?

НИНА. В Киев.

ДАША. А зачем в Киев?

НИНА. Там концерты были Рафаэля. А у Вани там тётя жила, и он через неё достал билет.

ДАША. Один билет.

НИНА. Да.

ДАША. И что?

ТАТЬЯНА. И ждал её в машине, пока она была на концерте.

ДАША. А потом?

НИНА. А потом он сказал, что любит меня, и сделал мне предложение. И мы поженились.

ДАША. Ну, вы даёте, тётя Нин. Ну и ну...

НИНА. А потом Рафаэль долго не приезжал, да и жизнь поменялась уже...

ТАТЬЯНА. А Ваня твой где? Что он так и не пришёл-то?

НИНА. Да как-то... Пьёт он... Катя тут одна была... завертелась, а Ваня пришёл и взял практически все мои деньги.

ТАТЬЯНА. Ничего себе! А какой он был раньше хороший!

ИРИНА. Вот дела... Такой же он и был.

НИНА. И наверняка уже все деньги пропил.

ДАША. Так что же вы молчали? Надо же ехать за ним. Взять деньги!

ТАТЬЯНА. Много было?

НИНА. Тридцать тысяч взял.

ДАША. Ну и ну! Я сейчас Косте позвоню. Мы съездим.

ИРИНА. Ну это не много.

НИНА. Для меня много.

ДАША. Мы возьмём у него деньги.

НИНА. Не надо. Зачем?

ДАША. Я не понимаю.

НИНА. Не надо. Говорю, не надо. Что ты, Таня?..

ТАТЬЯНА. Ладно. Слушайте...

Даша встаёт и начинает убирать со стола.

ДАША. Пойду приберусь.

ТАТЬЯНА. Ну, мне тут Светка написала. Ну, помните, которая с нами на концерт ходила Рафаэля. А потом в Среднюю Азию уехала.

ИРИНА. Ты не говорила.

НИНА. Светка?!

ТАТЬЯНА. Уже три раза замуж успела выйти, двое детей, трое внуков... Представляете!

ИРИНА. Три раза!?

ТАТЬЯНА. Ну да... А сама была такая худенькая! А на фото уже такая пышка! Вот, смотрите.

Татьяна на телефоне показывает фотографии.

ИРИНА. Не узнать.

НИНА. Да нет, что-то осталось... А былато...

ТАТЬЯНА. Нинка, вот вспомнишь – и теплее на сердце. Ты же нас во всё вовлекла, или увлекла. Ты же помнишь... Сколько раз мы ходили на «Пусть говорят»! За тобой вприпрыжку...

ИРИНА. Точно. Денег не было на билеты.

ТАТЬЯНА. Да, точно.

ИРИНА. А потом нам есть нечего было.

ТАТЬЯНА. А помнишь, как-то мы устроились на подработку в столовую. Зима была... Холодно...

НИНА. Смешно было. Какие из нас сторожа?! На нас самих крикни – всё, что хочешь, отдали бы.

ТАТЬЯНА. Мне не смешно было. Знаешь, столовую и правда грабануть могли. Уж ночью тем более.

НИНА. А помните, нас и братя не хотели туда.

ТАТЬЯНА. Ирка спасла.

ИРИНА. Ну да... А чего, у меня папа милиционер был. Я так и сказала: я стрелять умею, смотрите... И показала им. А что?!

НИНА. Времена были...

ТАТЬЯНА. А он не изменился...

НИНА. Рафаэль?

ТАТЬЯНА. Да. Стоишь в зале, слушаешь его... и ни о чём не думаешь, забываешься.

НИНА. Знаете, я тут в Киров, в соседний город, ездила недавно, по делам. Еду, в телефоне нашла его песни, одела наушники, слушаю. А потом вдруг, через какое-то время, думаю: что я здесь в этом автобусе делаю, как я здесь оказалось? Я слушала, глаза закрыла и потеряла связь с реальностью. Не могла понять, что за автобус, что за люди и где я.

ИРИНА. Ты так поаккуратней. Про свой возраст не забывай.

ТАТЬЯНА. Да ладно тебе... Нинка у нас не из таких.

НИНА. Правда, девочки. Я слушала его и как-то отстранилась, унеслась куда-то. Так бывает, наверное, но так явно со мной было впервые. Я реально не могла понять, куда я еду, где я, что происходит. Я на какие-то мгновения перенеслась, что-ли... не знаю...

Даша всё это время убирала со стола и пришла попрощаться.

ДАША. Я пойду. До завтра.

НИНА. Я потом. Ладно?

ДАША. Хорошо. Я вам всё приготовила. Я почитаю. До свидания!

Даша уходит. Татьяна и Ирина кивают ей.

ТАТЬЯНА. Рафаэль замечателен. Другого такого нет. Я его люблю слушать по вечерам. Вокруг темно уже...

НИНА. Сядешь на диван, и как будто ничего другого уже не существует вокруг. Да!?

ТАТЬЯНА. Поехала бы ты с нами.

ИРИНА. Да, Нин...

ТАТЬЯНА. Мы весной собрались в Барселону, а потом в Париж. Он в Олимпии будет петь. А, Нин?

НИНА. Да куда мне, девчат... А хозяйство? Да и денег нет... да и возраст... Проблем много.

ИРИНА. Ну даёт! Какой возраст!? Я ещё девочка. Кстати, мой новый друг, Вася, меня моложе на двадцать семь лет. И ничего... Ого-го!

ТАТЬЯНА. Ого-го, мани-мани... Это же сколько ему?

ИРИНА. Не скажу. Ну и что? Я, может, и понимаю, что он ради денег. Ну и пусть...

НИНА. Мне до вас далеко, девчат.

ИРИНА. Нин, подумай... Один раз живём. Увидишь Рафаэля – живого, рядом... Вот он будет петь прямо в десяти метрах от тебя. Ты чего? Подумай...

ТАТЬЯНА. Да, Нин, всего-то билет там копейки стоит – семьдесят евро, на самолёт – тысяча двадцать... Ну, если в Барселону залететь, – чуть больше. Ну, и на гостиницу несколько сот евро. Всего тысяча, всего-то! Один раз живём. Катка вон у тебя, Серёжка... Ну, пусть дети подарок маме сделают.

НИНА. Подумаю, девчат, подумаю...

ИРИНА. А времена были, конечно... Молодые были... Рафаэль, как ветер такой...

ТАТЬЯНА. Точно.

НИНА. Мы ведь случайно тогда в кино пошли. Коля уехал, я с вами.

ИРИНА. А кстати, как он, Коля?

НИНА. Да так... живёт... Ну, ладно. А помните эту афишу... Испанский фильм, музыкальный. Весна была, холодно... и, девочки, знаете, вышла я после фильма, как не своя, как чудо какое произошло, как будто мир перевернулся, и несколько раз... Я прямо заразилась и ни о чем думать другом не могла. Иду, и в голове голос его...

ИРИНА. Влюбилась...

НИНА. Это не то... Он близким мне стал, как родным, разве не так? А пластинок ещё и не было...

ТАТЬЯНА. Да, они у нас только потом появились.

ИРИНА. Катушки были, помните? У Юрки был катушечный магнитофон и на нём несколько записей Рафаэля...

ТАТЬЯНА. Ну да... Он этим и пользовался.

ИРИНА. Мы его закармлили, а в тебя, Танька, он и влюблен ведь был.

ТАТЬЯНА. Да ну его... Помер он уже.

ИРИНА. Да...

НИНА. Как жаль!

ТАТЬЯНА. Весело было... Голодно, денег не было – а не унывали. Всё впереди было.

ИРИНА. А у меня и сейчас всё впереди, и я не унываю, А!

ТАТЬЯНА. Нин, а помнишь, как твоя мама нас обзывала.

ИРИНА. Да, да! Говорила: рафаэльки. Так и говорила – рафаэльки. Так смешно было.

ТАТЬЯНА. Она, мне кажется, и не понимала, что и как.

НИНА. Помню.

ТАТЬЯНА. Мы приехали летом после практики к вам в дом, там, в деревне, помнишь же! Проигрыватель приволокли. Это же после какого курса было?

ИРИНА. После третьего.

ТАТЬЯНА. Ну да. И в комнате слушаем эту гибкую пластинку. А мама твоя заходит и говорит: «рафаэлечки». А мы от смеха чуть не подавились.

ИРИНА. Трудно тебе с ней пришлось.

НИНА. Болела она. Долго болела, парализованная. Вспоминать тяжело.

ТАТЬЯНА. Нинка, Нинка...

НИНА. А всё понимала. Всё...

ИРИНА. Намучилась ты.

НИНА. У Дашки мама тоже лежачая. Вот Дашка мне и помогала – за двоими ухаживала. А я на работу и домой.

ТАТЬЯНА. Трудно.

НИНА. А, знаете, она его любила.

ТАТЬЯНА. Кого?

НИНА. Рафаэля. Я ей ставила пластинки. Я её руку возьму – так и сидим, слушаем. А как-то я на неё посмотрела – а она плачет. Слушает его и плачет.

ИРИНА. Не говори.... Прямо мурашки.

ТАТЬЯНА. Быстро всё проходит. Живёт человек – и нет его.

НИНА. Может, вы завтра вечером поедете? Погуляем тут.

ИРИНА. Нет, Нин... У нас дела в Москве. За машиной надо в автосервис заехать – это другой конец Москвы. Увидимся ещё, приедем.

ТАТЬЯНА. Я бы осталась, но у меня отчёты. Ты же понимаешь... Кто меня отпустит?! Ехать далеко...

НИНА. Девочки, милые. Трудно вам там!

ТАТЬЯНА. Да как сказать. Знаешь, вроде как всё и бросить хочется. Да как подумаешь – а на что жить. Кому я нужна!

ИРИНА. Ну, трудно. Ну а кому легко? Не унывать! Всех локтями распихать – и вперёд!

НИНА. Может, завтра днём уедете?

ИРИНА. Нина, я бы рада. Дела!

НИНА. Жалко. Катя что-то долго.

ИРИНА. У вас всё так же — хозяйство?

НИНА. Да. Всё так же. Может, что случилось с ней?

ТАТЬЯНА. Сейчас придёт. Давайте баиньки, а то дорога была длинной.

ИРИНА. Слушай, а если мы здесь будем спать, ты-то где спать будешь, Нин?

НИНА. Я к Даше пойду. Она одна сейчас. Комната свободна. А так я здесь в зале сплю. А Катяка – в комнате, е хочу её трогать. Вы тут вместе...

ИРИНА. Развод она тяжело переносит?

НИНА. Наверное, тяжело. Характер у неё, не знаю в кого. Правдолюбка она.

ИРИНА. Видно...

ТАТЬЯНА. Хорошая девчонка. А чего развелись?

НИНА. Я не спрашивала... от греха подальше.

ИРИНА. В Москву-то не вернётся?

НИНА. Не знаю, вроде нет. Сейчас я вам постельное бельё дам. Вот, если холодно будет, там обогреватель возьмите, в коридоре.

НИНА. Вы тут располагайтесь, как дома... Ничего, что вдвоём спать будете?

ТАТЬЯНА. Нин, юность вспомним. Помните, приезжал кто-то к нам в общежитие, ну там родственник или земляк – пать негде. Койку свою отдали тайком от комендантши – а сами вдвоём... Весело, а!

ИРИНА. Простые мы были.

ТАТЬЯНА. Неизбалованные.

ИРИНА. А сейчас избалованные?

ТАТЬЯНА. Возможно...

ИРИНА. Да ну тебя.

НИНА. Спокойной ночи, девочки.

ИРИНА. Спокойной ночи.

ТАТЬЯНА. Спокойной ночи.

Нина уходит. Ирина и Татьяна остаются одни.

Затемнение.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ.

В комнате полумрак. Татьяна и Ирина стелют себе на диване.

ТАТЬЯНА. Как в студенческие времена. Комендантши ещё не хватает и длинного коридора.

ИРИНА. Комендантша есть – Катька.

ТАТЬЯНА. Ты её не трогай.

ИРИНА. Правильная слишком. Типа она права, а мы такие вот, приехали из Москвы и жизни там учим.

ТАТЬЯНА. Может, когда-то мы раньше такими же были.

ИРИНА. Поумнели.

ТАТЬЯНА. Может, просто пообтесались.

ИРИНА. Да ну тебя. Твой бывший как поживает? Всё так же?

ТАТЬЯНА. Куда он денется. Звонит иногда.

ИРИНА. В гости просится?

ТАТЬЯНА. Я его всё равно не пущу!

ИРИНА. Ты себе кухню то сделала?

ТАТЬЯНА. Да, столько сил угробила! Одни нервы. Хотела сделать в стиле «прованс», но что-то, видимо, не получится так, как я хотела.

ИРИНА. Что так?

ТАТЬЯНА. Да разве можно у нас что-то с толком сделать? Ремонт – это вообще ужасно!

ИРИНА. Сразу ко мне бы обратилась – я бы тебе дала телефон. Толковый мужик один есть.

ТАТЬЯНА. Да чего говорить. Уже всё сделано и оплачено.

ИРИНА. В гости приглашай. Обмыть надо.

ТАТЬЯНА. Да с этой работой... Знаешь, устаю уже.

ИРИНА. Я себе директора нашла нового недавно. Толковый вроде.

ТАТЬЯНА. Твой директор дорого обходится.

ИРИНА. Не без того, но зарабатываем. Имя уже есть, связи есть.

ТАТЬЯНА. Обманет он тебя.

ИРИНА. У тебя все обманывают. Так что, пригласишь посмотреть?

ТАТЬЯНА. Лучше на дачу приезжай. Я там баньку выстроила. Септик наконец поставила, дом утеплила.

ИРИНА. Ну, ты молодец.

ТАТЬЯНА. А ты чего?

ИРИНА. Да мне не до дачи.

ТАТЬЯНА. Ну да, у тебя молодой козлик.

ИРИНА. Денег прорва уходит.

ТАТЬЯНА. Не боишься?

ИРИНА. Чего? Что бросит? Меня?! Да ну...

ТАТЬЯНА. Не боишься?

ИРИНА. Он повязан, как суслик.

ТАТЬЯНА. Значит, не козлик, а суслик.

ИРИНА. Не смехи.

ТАТЬЯНА. А может, ты повязана?

ИРИНА. Им то?

ТАТЬЯНА. Ну да.

ИРИНА. Как?

ТАТЬЯНА. Машину купила?

ИРИНА. Она на меня оформлена.

ТАТЬЯНА. Допустим. А всякие там курсы, развлечения?

ИРИНА. Да ну, ну, копейки же.

ТАТЬЯНА. Не скажи. Туда сто тысяч, сюда...

ИРИНА. Тут он тагуировку сделал... Забавный такой.

ТАТЬЯНА. Где, на руке?

ИРИНА. Нет, ниже. *(Говорит на ухо. Смеются.)*

ТАТЬЯНА. Ирка, всегда ты приключений искала.

ИРИНА. А чего? Я один раз живу. Могу себе позволить. И пусть там кто что думает. Мне то что? Я сама за себя отвечаю.

ТАТЬЯНА. Да я не про это. Бросит он тебя, и что?

ИРИНА. Я его брошу. Вот, как использованный гондон его и выброшу.

ТАТЬЯНА. Жестоко.

ИРИНА. И он знает.

ТАТЬЯНА. Да я думаю, что он тобой всё же вертит. Мы слабые. Нам скажи слово – мы и растаем. Он тебе слово скажет – ты и растаяла. А бросишь не ты его, а он тебя. И приедешь ко мне, и будешь плакаться, да виски с коньяком глотать.

ИРИНА. Ну, даже если и так... Зато сейчас хорошо. На новый год мы на Мальдивы. Он подобрал такой уютный островок. Фотки показывал. Я прямо сейчас мечтаю, как я там окажусь, сброшу всю эту одежду, похожу по песочку... голая.

ТАТЬЯНА. Голая?

ИРИНА. А что!? Я ещё ничего! Поплаваю, оторвусь от этой Москвы, от этой серости.

ТАТЬЯНА. Не мечтай.

ИРИНА. Да... мы здесь, в этой уютной квартирке на краю света...

ТАТЬЯНА. А я в чём-то завидую им здесь.

ИРИНА. Чему тут завидовать?!

ТАТЬЯНА. Понимаешь, здесь как-то всё по-другому.

ИРИНА. Как по-другому?

ТАТЬЯНА. Как-то понятнее, проще, доступнее. Вот, Нинка здесь прожила всю жизнь, детей родила, во всякие заграницы не ездила.

ИРИНА. И Что?!

ТАТЬЯНА. А может, она нас то счастливее.

ИРИНА. Не думаю.

ТАТЬЯНА. А я думаю, что так. И не нужны ей какие-то твои Мальдивы и твои молодые люди. Ну, вот честно – не нужны.

ИРИНА. Думаешь?

ТАТЬЯНА. Думаю. Она как-то к чему-то истинному ближе, ну не скажу, что к земному, но к чему-то такому ближе, чем мы.

ИРИНА. Знаешь, Танька, а вообще-то, и мне эти Мальдивы-то не очень-то и нужны. Просто куда вот ехать? Даже не представляю. И эти мальчишки мне уже по горло. А мужика хорошего, думаешь, найдешь. Кому я нужна!? Я бы уехала от всего далеко-далеко. И деньги есть, и чего только нет, а надоело всё!

ТАТЬЯНА. Да ты ещё вон какая, огонь!

ИРИНА. Ну ладно, что-то я о грустном...

ТАТЬЯНА. Да жизнь здесь такая – навеяло.

В дверь входит Катя. Ирина и Татьяна не видят и не слышат, что она вошла. Катя прислушивается к разговору и становится в тени.

ИРИНА. Как здесь они живут? Ведь тоска несусветная здесь. Ничего здесь нет. Ты куда собираешься на Новый год? С нами не хочешь на Мальдивы?

ТАТЬЯНА. О, нет. Вы там резвитесь без меня. Я лучше в Прагу слетаю с Моисеевой. Помнишь?

ИРИНА. Лети. Дорого?

ТАТЬЯНА. Терпимо. Потом хочу в Париж. Сейчас захотела, глядя на всё это Барятино.

ИРИНА. А Нинка! Ты её видела?

ТАТЬЯНА. Чего?

ИРИНА. Тань, ну она же выглядит вообще старухой, правда. Даже жалко её стало.

ТАТЬЯНА. Ну да.

ИРИНА. В этом простеньком платьице, совсем никакая.

ТАТЬЯНА. Ну, потом она приделась.

ИРИНА. Да ну. Это вообще ниже плинтуса. Могла бы одеться и получше. А кожа какая. Я весь вечер смотрела на неё и думала: человек, женщина, должна пользоваться кремами, нормальной косметикой, ну и не так уж всё это дорого стоит, ну так запускать себя! Ну, понятно, что у них здесь нет нормальных парикмахеров, стилистов, ну, попроси ты эту Альбину себя немного в порядок привести. Да и вообще, мне кажется, что она опустилась. Какая-то другая стала. Я уж смотрела там у них на кухне, такое впечатление, что она и выпивает.

ТАТЬЯНА. Ты к ней строга.

ИРИНА. Какое строга. Чего ты её защищаешь. А ногти, ну, купи ты себе набор там самый простой, ну, в конце концов, лаков сейчас полно. А ноги ты её видела? Ну, есть хотя бы минимальная депиляция.

ТАТЬЯНА. Здесь не Москва, Ир. Ну что ты сравниваешь.

ИРИНА. А квартира эта. Ну, посмотри, вся стенка завалена этим старьём.

ТАТЬЯНА. Ты про книги?

ИРИНА. Дышать невозможно! Ну, купи обои, выброси этот тлен на помойку! Ну, дышать невозможно. Ты чувствуешь?

ТАТЬЯНА. Не особо.

ИРИНА. Слушай, а ещё больше меня поразило это вино.

ТАТЬЯНА. Какое?

ИРИНА. То, которое они купили, помнишь? Это же ужас! Они хотели этим пойлом нас поить. Наверняка купили в каком-то сетевом дешёвом магазине.

ТАТЬЯНА. И что?!

ИРИНА. Меня тошнит от такого пошла! Это же ужас! Ужас! А она его, наверняка пьёт!

ТАТЬЯНА. Не думаю, что она выпивает. Ладно тебе. Это же не Москва.

ИРИНА. Ну да, правильно, деревня! А помнишь, года три назад мы приезжали... в их эту развалюху, в деревне. Из щелей дует, какие-то шорохи, и ходить надо было в ведро.

ТАТЬЯНА. Ну и что?!

ИРИНА. Да противно. Даже вспоминаю – и передёргиваюсь. Ну, весь мир уже по-другому живёт. Там, вспомни, мы летом ездили в Испанию. Куда ни приедешь – все удобства есть. Ну, всё! И что? Там другие люди живут... а здесь другие?

ТАТЬЯНА. Не знаю, чего ты?

ИРИНА. Тань, не хотят. Хотят лежать здесь на лавочке, понимаешь... Ну вот, возьми Нинку... Ведь умная баба... Стихи писала, языки учила, много знает...

ТАТЬЯНА. Да уж, много...

ИРИНА. Но вот что она здесь забыла? Чего сюда поехала?

ТАТЬЯНА. Кольку любила, родителей не могла бросить.

ИРИНА. Да не верю я. Легче, понимаешь, легче, вот так ей легче... Лень...

ТАТЬЯНА. В каком смысле?

ИРИНА. Мы же в Москве, понимаешь, добивались всего, сколько у нас сил ушло, здоровья, чтобы всего добиться!

ТАТЬЯНА. Ушло...

ИРИНА. А она сюда вернулась на всё готовенькое, и не надо ей ничего было добиваться. Вот так. Легко ей здесь было жить, всё просто, всё понятно, все свои, не то что мне... Вот и счастлива она жить в своём так сказать дерьме... родном.

ТАТЬЯНА. Ты так думаешь?

ИРИНА. Да, да... И такой русский человек. Ему не надо никуда рыпаться, ему не надо ничего добиваться. Вот он забился в это своё Барятино и не хочет из него уезжать. Ему здесь будет плохо, неудобно, может быть, горячей воды нет, электричество отключают, а он всё равно будет здесь жить и подыхать.

ТАТЬЯНА. Ну чего ты разошлась, может, нравится ей здесь.

ИРИНА. Вот-вот! Правильно! И отмазка от всего – что это моя родина, мой дом, что я здесь родился, что мне здесь нравится и всё такое... Нет, просто удобно, просто лень что-либо делать и куда-либо рыпаться.

ТАТЬЯНА. Ладно тебе...

ИРИНА. И с этим Рафаэлем носится.

ТАТЬЯНА. Он тебе чем не угодил?

ИРИНА. Да так.

ТАТЬЯНА. Он-то при чём?

ИРИНА. Да так... Вот слушаешь её иногда и думаешь, что вот она такая вот искренняя и нежная, такая чуткая и бескорыстная и что Рафаэль у неё в душе и сердце, уносится там в

другие миры... А мы что?!

ТАТЬЯНА. А что мы?

ИРИНА. Не знаю... Мы вот по всему миру за ним ездим, в отличие от неё, даже в Майами забрались.

ТАТЬЯНА. Уж точно...

ИРИНА. А её послушаешь...

ТАТЬЯНА. Ну, может, она по-другому к нему относится, чего-ты?

ИРИНА. Бесит! Понимаешь?! Правильная она такая, а я вот не такая.

ТАТЬЯНА. Ну и радуйся. Тебе то что? Ты завтра отсюда уедешь и ещё лет пять её видеть не будешь.

ИРИНА. Вот это меня и радует, что я отсюда уеду, от этой серости. И люди здесь какие-то не такие. Вот я тебе и говорю, они просто не хотят ничего делать. И Нинка не хочет. Уж нашла бы себе мужика...

ТАТЬЯНА. На твоего у неё денег не хватит. Если ты только поделишься.

ИРИНА. Ну, я гипотетически...

ТАТЬЯНА. Ладно тебе...

ИРИНА. Нинка, конечно, уже не та. Круги под глазами, постарела... в этой халупе, зато с Рафаэлем в сердце... Без мужика, но с Рафаэлем!

ТАТЬЯНА. Ну и я без мужика. И вот увидишь, что ты будешь плакать, а я буду тебя ещё утешать

ИРИНА. Давай, завтра, как в Москву приедем, я машину заберу и пойдём с тобой в Жан-Луи, возьмём чего-то сладкого, кофе, шоколад, чтобы стряхнуть с себя всю эту гниль этого места. Я прямо чувствую, как в меня всё это въедается, вливается в кровь, в кожу, в волосы. Ещё и трястись на автобусе... Может, такси возьмём? Здесь есть такси?

ТАТЬЯНА. Думаешь, добно?

ИРИНА. Давай до Калуги доедем, а потом оттуда возьмём такси. Я просто не выдержу на автобусе, меня там тошнит от этих колхозников. Ты же видела: села эта тётка впереди, от неё же просто шёл невыносимый запах. А сзади сел этот болван, весь прокуренный, ноги расставил – просто гадость какая-то!

ТАТЬЯНА. Давай завтра разберёмся.

ИРИНА. Знаешь, мечтаю: кончится осень, и потом брошу дела и поеду на Мальдивы... и там буду лежать на лежаке, смотреть на океан и попивать коктейль.

ТАТЬЯНА. Голая...

Катя делает вид, что открывает дверь и входит в квартиру и намеренно шумит.

ИРИНА. Выключи свет, а то сейчас заявится сюда эта больная.

Таня выключает свет.

Затемнение.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

Утро. Ирина и Татьяна одеваются. В комнату входит Катя.

ТАТЬЯНА. А мама где?

КАТЯ. Она ушла ещё утром в деревню, коз надо подоить. Хочет молока вам дать в дорогу. Должна вернуться. Может, кого встретила по дороге. Я там завтрак приготовила. Кашу будете, геркулесовую?

ИРИНА. Нет. Нет...

ТАТЬЯНА. А я буду.

Катя уходит.

ИРИНА. Ты слышала, она ещё хочет нас этим козьим молоком напоить.

ТАТЬЯНА. А что?

ИРИНА. Это же гадость!

ТАТЬЯНА. Ладно тебе...

Появляется Нина с бидоном.

НИНА. Вы уже встали. Как спали?

ИРИНА. Ой, Нин, знаешь, молодость вспоминать уже не хочется...

ТАТЬЯНА. Хорошо, Нин, хорошо.

НИНА. А я вам молочка принесла.

ИРИНА. Молочка (*передразнивает*).

НИНА. Козьего... оно у нас вкусное. Будете?

ТАТЬЯНА. Давай мы себя в порядок приведём, умоемся, позавтракаем, а там и до молока очередь дойдёт.

Появляется Катя.

КАТЯ. Ты вернулась?

НИНА. Да, там ещё в деревне к Матрёне зашла.

Ирина и Татьяна уходят.

КАТЯ. Mam, дуры они.

НИНА. Тише, Кать, слышат же.

КАТЯ. Да и пусть слышат. Дуры и есть дуры. Две московские дуры.

В дверях появляется Иван Петрович.

КАТЯ. А ты чего здесь? Чего явился!?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Кать, иди... иди погуляй, мне поговорить надо с мамкой.

КАТЯ. Не пойду я. При мне говори.

НИНА. Иди, Кать...

Катя выходит.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я тут, понимаешь... Вот, на, возьми их.

Иван Петрович протягивает Нине деньги.

НИНА. Деньги?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Слышишь, спрячь их лучше. Подальше спрячь. Тут вот двадцать семь тысяч восемьсот рублей. Остальные потратил. Бери их. И подальше уברי. И не спрашивай меня. Всё! Вот! На!

Нина берёт деньги. Иван Петрович собирается выйти.

НИНА. Ваня!?

Ваня останавливается и вопросительно смотрит на Нину.

НИНА. Как ты там?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я, Нин, не вор, понимаешь. Не вор я!

НИНА. Ну что ты...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я по мелочи возьму. А это не надо! Я в магазин пошёл. Накупил всего. А пришёл к себе, смотрю на всё... Понимаешь, даже на водку противно смотреть стало. Всю ночь не спал, ни капли не выпил. Не вор я! Никогда им не был. Вот, всё! Давай. Пойду я.

НИНА. Ваня. Ну что ты? Смотри, мятый весь. Не стираешь совсем.

Нина трогает его свитер. Гладит рукой его по щеке.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да где там.

НИНА. Я бы тебе постирала.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да чего уж там.

НИНА. Одичал ты там.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ладно, одичал.

НИНА. Пьёшь?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да так, бывает.

НИНА. Я раньше как-то не думала...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. О чём?

НИНА. Да так. В понедельник выселят отсюда. Приставы придут.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Как так!? Правда!?

НИНА. Много денег я должна, Ваня. Как бродяга теперь буду.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я с ребятами приеду! Мы с ружьями приедем! Не пустим их, Нинка! Ну как так! Это всё твой Колька! Гусь этот!

НИНА. Вань, сама не знаю. Запуталась я. Прости меня, Ваня! Слышишь, не сложилось как-то... Ты прости меня.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ты чего?

НИНА. Может, я во всё виновата, что не сложилось у нас. Прости меня, слышишь!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да брось ты. Я тебя в обиду не дам, Нинка. К нам, в охотхозяйство пойдёшь, Катку пристроим. Ну же, Нинка!

НИНА. Всем я жизнь испортила, Ваня... тебе, детям.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да ты что?! Я сам. Я дурак. Надо было, когда предлагали, ехать на Севера, чтобы мыслей у тебя не было, отсюда подальше, от этого Кольки, понимаешь... Да что ты!? Вот заладила. И что, с этими приставами — всё!? Поправить нельзя!? Точно!?

НИНА. Точно, Ваня. Уже всё...

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Ты это... не раскисай, понимаешь – поправимо, ну...

НИНА. Тяжко как-то.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Да что ты, ну!

НИНА. Мошенницей меня сделали, Ваня... на старости лет. Следователь приедет.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Что!? Колька! Он, наверняка! Был гадом – гадом и остался. А вы таких любите, дуры!

НИНА. Ваня!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я убью его!

НИНА. Ваня!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. У меня там ружьё в машине. Одним гадом на Земле будет меньше!

НИНА. Не смей, Ваня! Не смей!

Ваня пытается выйти. Нина сдерживает его.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пусти. Нинка, пусти! Всё равно убью его. Накипело!

Прибегают Катя, Ирина, Татьяна.

КАТЯ. Ты чего тут делаешь? Ты что?

ИРИНА. Вот даёт?

ТАТЬЯНА. Нина!

ИРИНА. Деревенские нравы.

КАТЯ. Мама!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пусти, Нинка!

НИНА. Не пущу, никуда не пущу!

ИРИНА. У них что тут, приступ большой любви напал!?

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я убью этого гада! Всё равно убью!

НИНА. Ваня, не надо. Ничем не поможешь уже.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пусти!

ИРИНА. О, барятинские страсти кипят во всю!

КАТЯ. Мама! Папа!

Нина преграждает путь Ивану Петровичу и пытается закрыть руками дверь. У неё

падают купюры на пол.

ИРИНА. О! Тут ещё и деньги замешаны.

КАТЯ. Ты опять деньги взял!?

НИНА. Уйдите все! Ваня! Нет! Ваня!

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Отойди, слышишь! Сейчас силой тебя отодвину! Отойди!

НИНА. Ну и двигай!

КАТЯ. Отец!

ИРИНА. Тань, вызывай полицию, а то прибьют подругу.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Пусти!

НИНА. Не пущу!

Иван Петрович сгребает Нину и отставляет в сторону, выходит из комнаты.

ИВАН ПЕТРОВИЧ. Я убью эту суку! Убью гада!

НИНА. Ваня! Стой!

КАТЯ. Что происходит!?

НИНА. Он Колю пошёл убивать.

Нина выбегает за Иваном Петровичем.

КАТЯ. Мама!

Катя выбегает за ней. В комнате остаются Ирина и Татьяна.

ИРИНА. Ты видела!? Видела, как люди опускаются. Она скоро просто не знаю, в кого превратится.

ТАТЬЯНА. Откуда ты всё знаешь!?

ИРИНА. Да вижу я. Ты посмотри. Вокруг одна алкашня. Помнишь, вчера, в магазине, стоят два и дышат на меня. У меня аж дыхание спёрло. И ведь не скажешь им ничего.

ТАТЬЯНА. Бесполезно. Глаза стеклянные. Чего-то мелят.

ИРИНА. Было желание бежать оттуда.

ТАТЬЯНА. Чуть не стошнило. Но в Москве тоже такое есть.

ИРИНА. Да ладно тебе. А это дешёвое вино, якобы испанское. Не могли что-то получше купить!?

ТАТЬЯНА. Мало ли, что ты придираешься!

ИРИНА. Я не придираюсь. Я просто вижу, во что превращаются люди.

ТАТЬЯНА. В каком смысле?

В дверях появляется Катя и слушает разговор Ирины и Татьяны. Ирина и Татьяна её не видят.

ИРИНА. А то, что и Нинка наверняка пьёт тут.

ТАТЬЯНА. Брось.

ИРИНА. А ты видела эти бутылки на кухне. А эти круги под глазами. А муженёк — алкаш.

ТАТЬЯНА. Не верю! Ну что ты!

ИРИНА. Я тебе говорю. Ты видела, чего они там делили, а, Опустилась она!

Появляется Катя.

КАТЯ. Глупая ты тётка!

ИРИНА. Ты что!? Катя!

КАТЯ. Одевайтесь и выметайтесь обе! Слышали!?

ТАТЬЯНА. Ты что?!

КАТЯ. Приехали тут! Всё им не так! По Европам тут ездят! Да кто вы такие!?

ИРИНА. Катя!

КАТЯ. Глупые тётки! Да что вы знаете!?

ИРИНА. Тань, а эта ещё и наркоманка! Ты поняла!?

КАТЯ. Я вчера всё слышала. Все ваши разговоры слышала. В лицо одно говорите, а за спиной – как крысы последние!

ИРИНА. Тань, я точно говорю. И запах от неё...

ТАТЬЯНА. Катя, зачем ты так?

КАТЯ. Вы думаете, что у нас здесь все алкаши! Что если мы по ресторанам, да по театрам не ходим, то и не люди...

ТАТЬЯНА. Катя, ты нас не поняла.

КАТЯ. Всё я поняла. Тряпок накупили, приоделись. Да что вы знаете?! Глупые вы тётки. И никто вам не нужен, кроме вас самих.

ИРИНА. Тань, мне страшно. Сейчас набросится.

ТАТЬЯНА. Подожди.

КАТЯ. Показушницы вы европейские! Только себя и любите!

ИРИНА. Таня, я не хочу здесь оставаться. Здесь сумасшедший дом!

ТАТЬЯНА. Ты не права, Катя!

ИРИНА. Тань, берём вещи и уходим. На любой машине — прочь отсюда!

Таня и Ирина собирают свои вещи.

ТАТЬЯНА. Катя, зачем ты так? Ну что мы тебе-то сделали!

ИРИНА. Не говори с ней.

ТАТЬЯНА. Ты была такой хорошей девочкой.

ИРИНА. Не говори с ней — она сумасшедшая.

ТАТЬЯНА. Была такой милой, доброй.

ИРИНА. Таня, она опасная — ей надо лечиться. Ты видишь — они здесь все такие. Помнишь, на площади ту бабу: рожа кирпичная, зубов нет.

КАТЯ. Катитесь вы...

ИРИНА. Что я говорю!

ТАТЬЯНА. Ты не права, Катя. Я помню...

КАТЯ. Выросла я... поумнела... Вижу теперь, кто сволочь, а кто нет.

ИРИНА. Я тебе говорю, они тут курят. В таких местах все курят. Ты собралась?

ТАТЬЯНА. Да.

ИРИНА. Пошли?

ТАТЬЯНА. Пошли. А Нина!?

ИРИНА. Мне жизнь своя дороже.

КАТЯ. Катитесь подальше, европейки грёбаные!

ИРИНА. О! Вот она! Вот она, культура их российская так и прёт!

В дверях появляется Даша с полотенцем на голове и в халате.

ДАША. Что у вас за крики? Я из ванной прибежала...

КАТЯ. Да так...

ИРИНА. Девушка, у вас тут сумасшедший дом!

ДАША. У нас!?

ИРИНА. Здесь все с ума сошли!

КАТЯ. Выметайтесь. Катайтесь по своим Европам!

Татьяна и Ирина уходят. Слышатся их возмущённые голоса.

ИРИНА. Я сюда никогда не поеду. Это Африка! Хуже Африки!

ДАША. Что ты их!

КАТЯ. Знала бы ты, какие подлючки они!

ДАША. А что!?

КАТЯ. На лице у них одно, а в душе у них – другое...

ДАША. А есть ли она у них?

КАТЯ. Что!?

ДАША. Ну, душа...

КАТЯ. Должна же быть.

ДАША. А вот смотрю я на людей, и думаю, что у кого-то она есть, а у кого-то выветрилась.

КАТЯ. Как так!? Как выветрилась?!

ДАША. Ну, живёт себе человек, и если пусто у него внутри, то и в душе пусто, и выветривается она.

КАТЯ. Это что, теория такая?

ДАША. Это я так думаю. А тётя Нина где?

КАТЯ. Да отец пришёл. Видать, мама ему что-то сказала. А он решил Николая Сергеевича пристрелить.

ДАША. Вот дела у Вас! И что?

КАТЯ. Мама его удерживала, а он вырвался. Ну и не знаю, что там.

ДАША. А эти подруги всё видели?

КАТЯ. Видели. Только они не подруги, а мымры.

ДАША. Ну, вот я и говорю — выветрилась у них душа.

КАТЯ. Одни тряпки остались.

ДАША. А что маме скажешь?

КАТЯ. Не знаю.

ДАША. А деньги чего бросаете?

КАТЯ. Видать, отец принёс. Может, совесть проснулась.

ДАША. Может, и так...

КАТЯ. Гадко как-то всё.

ДАША. Пройдёт.

КАТЯ. Думаешь? Не привыкла я подлаживаться. Вот так жить: говорить одно, а делать другое.

ДАША. И не надо привыкать.

КАТЯ. Знаешь, я тут останусь. Никуда не поеду больше.

ДАША. Пусть так.

КАТЯ. Решила всё. Не знаю, что там будет...

ДАША. Подвернётся что-нибудь. Уладится. У нас тут врач молодой. Так и быть.

КАТЯ. Что?

ДАША. Уступлю тебе.

КАТЯ. В каком смысле?

ДАША. Красивый он. Роман бы с ним завела бы...

КАТЯ. Да ну тебя.

ДАША. А что, он красивый.

КАТЯ. Не до того.

В квартиру входит запыхавшаяся Нина.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

НИНА. Уехал. Ваня, папка, уехал. Он же убьёт его! Не догнала. Бежала до железной дороги и не догнала.

ДАША. Тётъ Нин, эти гады живучие. Не убёт он его.

НИНА. И зачем я ему всё сказала. Вот я дура! Катя, вызови такси! Надо догнать.

КАТЯ. Зачем?

НИНА. Посадят Ваню! Надо догнать! Вызови!

КАТЯ. Mam, они ушли.

НИНА. Кто?

КАТЯ. Ирина и Татьяна.

НИНА. Как?

КАТЯ. Я их выгнала.

ДАША. Ну, я пойду, Ладно? Пойду я.

НИНА. Зачем, Катя?

КАТЯ. Дуры они! Понимаешь, пустые они тётки.

НИНА. Их надо вернуть. Катя! Нельзя так!

КАТЯ. Mam, люди меняются. Жизнь их поменяла. Тех девчонок уже нет.

НИНА. Как же ты их выгнала? Как-то неудобно получилось.

КАТЯ. Прости, мам... Нашло что-то.

НИНА. Тяжко мне. Вызови такси. Надо догнать.

КАТЯ. Ты отдохни. Полежи. Сейчас.

Катя набирает номер, и вызывает такси.

НИНА. Не знаю я, как жить дальше, не знаю.

КАТЯ. Сейчас. Улица Первого Мая, дом двадцать три. Что!? Через сколько? А быстрее!? Хорошо.

НИНА. Что!?

КАТЯ. Надо ждать. Что ты говорила!?

НИНА. Я хотела всегда как лучше, а получилось...

КАТЯ. Как ты могла связаться с этим Николаем Сергеевичем? Ты же знала его! Ты что, ему верила!?

НИНА. Да что там, верила!? Убедила себя в чем-то. А потом, у нас тут работы нет, а он деньги платил. Серёже надо послать, тебе помочь, лекарства бабушке купить... А где их найдёшь — эти деньги? Он помогал. Всё равно уже... Дура я! Старая дура!

КАТЯ. Ты не дура! Ты лучшая! Самая лучшая на свете, слышишь! Самая, самая, самая лучшая! Мамочка!

НИНА. Да что там. Когда-то я мечтала о чём-то... А получилось... Ничего не получилось. Ничего! Скоро такси!?

КАТЯ. Надо ждать. Не грусти, слышишь! Я с тобой! Ну, Серёжка – дурак. Ну, образумится.

НИНА. Знаешь, я им немного завидую.

КАТЯ. Кому!?

НИНА. Ирке, Таньке.

КАТЯ. Почему!?

НИНА. Они, ездят по миру. Им всё доступно. Купили билеты – и вот он перед ними, Рафаэль. Первые ряды. Даже немного обидно.

КАТЯ. Не думай о них, мама!

НИНА. Да это я так... Я бы очень хотела побывать на его концерте. Даже совсем издалека, пусть хоть пять минут.

КАТЯ. Я хотела тебе сказать...

НИНА. Как долго не едет такси! Как долго!

КАТЯ. Они приедут.

НИНА. Знаешь, давно уже, как ты родилась, я стала писать дневник. Не то, чтобы дневник, не каждый день. Это вроде писем. Просто когда хотелось поделиться – я писала. А писала

почему-то Рафаэлю. Как-то так получилось. Я даже не понимала, почему ему. Ему мне было писать проще. Напишешь на бумаге: «Дорогой Рафаэль», и как-то всё само изливается. Я и не собиралась ему отправлять их. Ты не думай. Просто писала. А тут на днях подумала, что писала я ему потому... Знаешь, ведь люди чего-то в жизни достигают, занимают какие-то должности, получают большие деньги, становятся известными, а не это главное. Это всё проходит. Главное – прожить всю жизнь по-своему, главное – не сойти со своего пути, жить честно, достойно, без лжи, лицемерия. Я смотрю по телевизору на этих известных людей и на то, кем они были и кем стали. Были порядочными людьми, и ими гордилась вся страна. А сейчас они превратились в других людей, их заслуги заслонены чем-то другим, мерзким и противным. А Рафаэль – другой, он всегда был честен, понимаешь. Он не менялся, не отступал. Я писала ему поэтому. Он был примером. Я не смогла, как он. Я отступилась, пошла по другому пути. Я думала, что ничего страшного, что так делают все...

КАТЯ. Я всё боялась сказать, думала, ты не поймёшь.

НИНА. Что?

КАТЯ. Я тебе никогда не говорила о Рафаэле. Или нет, я часто делала вид, что мне он не нравится. Я часто иронично о нём, о тебе отзывалась, а может быть, даже и зло...

НИНА. Да нет, Катя...

КАТЯ. Может и зло, но я ничего не понимала. Может, я только сейчас что-то понимаю.

НИНА. Да ты у меня...

КАТЯ. Может, я только сейчас поняла. Знаешь, у меня есть деньги, поезжай. Я оплачу перелёт, гостиницу. Я послежу за козами. Мы с Дашкой справимся. Это же просто, мама! Я хочу, чтобы ты поехала! Это твоя мечта!

НИНА. Нет.

КАТЯ. Помнишь, как десять лет назад ты попросила меня купить билеты на мюзикл? Помнишь?

НИНА. Да, на «Человек из Ламанчи».

КАТЯ. Помнишь, ты приехала. Была зима. И мы пошли в этот большой театр на площади.

НИНА. Театр Советской Армии. Помню. Да.

КАТЯ. Там играл совсем старый человек, помнишь?

НИНА. Зельдин, конечно. И ты не забыла?

КАТЯ. Нет, не забыла. Не забыла. Он говорил, нет, пел, вот: «Мечтать, пусть обманет мечта! Бороться, когда побеждён! Искать непосильной задачи и жить до скончанья времён! Помнишь?»

НИНА. Катя, это мюзикл. Это «Дон-Кихот».

КАТЯ. И что?

НИНА. Это всего лишь слова. А дон-кихотов уже не осталось, да и были ли они?..

КАТЯ. Любить, пусть обманет любовь! Остаться неведомо где! Когда опускаются руки, тянуться к далёкой звезде! Мама! Это про тебя! Ты мой Дон-Кихот! Ты честно живёшь! Не упрекай себя! Ты должна! Не опускай руки, тянись к своей мечте! Поезжай!

НИНА. Нет...

КАТЯ. Ну что ты... Эти тряпичницы ездят, сидят на первых рядах. А ты там должна быть... У тебя тут ничего не выветрилось, как и у Дон-Кихота, понимаешь..!

НИНА. Не понимаю...

КАТЯ. У тебя тут... (*показывает рукой на грудь*). Ну, тут сердце, душа, понимаешь. Ты там должна быть, на концерте Рафаэля. Он увидит тебя, а ты его. У вас у обоих здесь есть (*показывает рукой на грудь*), Понимаешь, у обоих, вы сохранились... Он для тебя поёт, понимаешь, для тебя одной. Давай же! Я люблю тебя, давай же!

Нина молчит. И потом говорит почти шёпотом.

НИНА. Это невозможно.

КАТЯ. Почему?

НИНА. Меня не выпустят.

КАТЯ. Как! Не понимаю.

НИНА. Дай я лягу. Что-то нехорошо мне... Где же такси? Они же поубивают друг друга...

Катя достаёт подушку. Нина ложится.

КАТЯ. Как ты себя чувствуешь? Давай давление померю? Может, надо таблетки какие выпить? Ты слышишь?

НИНА. Ничего. Послушай. За границу меня не выпустят. Ты же понимаешь, кто я теперь.

КАТЯ. В каком смысле?

НИНА. Я не хотела тебе говорить.

КАТЯ. Что? Ты про что?

НИНА. Я подписала договоры. Долго объяснять. Завтра придут описывать. Приставы придут. Они отнимут квартиру, понимаешь!

КАТЯ. Я знаю.

НИНА. Знаешь!?

КАТЯ. Мама, все уже знают.

НИНА. Все?! Ты не знаешь другого.

КАТЯ. Чего?

НИНА. Я под следствием. Коля приходил. Сказал.

КАТЯ. Не верь ему!

НИНА. Друг Альбины, там, в Калуге, тоже что-то слышал. Всё серьёзно! Прости. Я не знаю что делать...

КАТЯ. Mamочка, любимая. Слышишь...

НИНА. Надо бы вещи перенести. К Даше. Ценное самое.

КАТЯ. Перенесём. Я сейчас посмотрю.

НИНА. Подожди. Иди сюда.

КАТЯ. Mam!

НИНА. Сядь, послушай. Сегодня ночью какой-то сон странный приснился.

КАТЯ. Какой?

НИНА. Понимаешь, цветочное поле. Большое такое. И вокруг тишина, и ни души. Пусто. Солнечное утро, тихое утро, и почему-то не поют птицы. Я смотрю на это со стороны, оглядываюсь и вижу себя в детстве – маленькая девочка собирает цветы – улыбочивая такая, вся светящаяся... Я думаю, неужели это я!? Неужели я такой была!? Сколько мне лет? Шесть, может, семь... О, Боже! Я понимаю, что это я! Цветы вокруг — и я их собираю. Слышишь! Я помню, помню этот день. Он был очень давно. Он мне врезался в память, но потом я всё забыла... забыла... забыла... и этот день, солнечный день забыла. Я – маленькая девочка, и я собираю букет полевых цветов, и всё такое радостное и солнечное, и нет, нет никаких забот. Этот мир принадлежит мне, и впереди только будущее. Я осматриваюсь, нет, та маленькая девочка осматривается и видит маму и папу. Это они! Этого не может быть! Мои мама и папа! Девочка смотрит на них, улыбающихся и молодых, и протягивает им свой букет. Я не могу поверить. Я подумала, что неужели я вернулась в то время, когда я была счастлива. А потом... Я отворачиваюсь... А потом передо мной уже пустое поле. Где вы? Где вы? Я потеряла их. Я потеряла! Зачем? Как же мне опять вернуться туда? Вокруг ни души, тишина и какая же пустота вокруг! Я уже взрослая... я уже старая тётя, и мне так хочется кому-то подарить свой букет, а никому он не нужен...

КАТЯ. Мама!

НИНА. Принеси...

Рука Нины падает. У Нины закрываются глаза, и голова сникает на подушку. Катя вскакивает.

КАТЯ. Я сейчас! Я к Даше! Не уходи! Ты слышишь! Сейчас! Подожди! Слышишь!

Катя выбегает. На сцене появляется дымка. Освещение становится тусклым. Дымка усиливается и как будто всё в каком-то тумане. Мигают прожекторы. Декорации растворяются в дымке и раздвигаются. Звучит музыка. Откуда-то сверху появляется нисходящая вниз ступенями лестница и экраны. Под песню «Сото уо те ато» наверху появляется силуэт певца, в котором узнается Рафаэль. Он страстно поёт песню «Сото уо

te ato». Ниже, в дымке, появляется Нина в вечернем красном платье и с распущенными волосами. Она красива и молода. Она смотрит вверх. Певец спускается к ней и, исполняя песню, протягивает ей руки. Нина поднимается к нему. Певец берёт её за руку, и продолжая исполнять песню, в дымке уводит её по ступеням вверх. На экранах всё время высвечиваются слова песни «Сото уо те ато» в русском переводе: «Никто не полюбит тебя так, как люблю тебя я! Люблю через пространства и время! Люблю тебя душой и телом! Люблю тебя сверхчеловеческой силой! Люблю тебя в опасности и в покое! Люблю, как ребёнок любит утро! Я так люблю тебя! Я так люблю тебя!

Певец и Нина растворяются в дымке. Музыка затихает.

Затемнение.

июль 2016 г. – декабрь 2018 г.

г. Москва

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В начале 1970-х годов в сердца многих людей в Советском Союзе ворвался вихрь под именем Рафаэль. Сначала это был фильм «Пусть говорят», потом это были десятки концертов по многим городам Советского Союза. Прошли годы, но на просторах бывшей большой страны до сих пор помнят и любят певца Рафаэля. Когда-то многие злопыхатели говорили о том, что всё это временно, что молодым девчонкам просто нравится очередной молодой иностранный исполнитель. Но, если говорить о том, что судья всему – время, то можно констатировать, что время уже давно рассудило. Годы, десятилетия прошли с 1970-го года. Тем не менее, на просторах большой страны количество тех, кому сердечно близок Рафаэль, его песни, его сердце и душа, не убавляется. Музыка есть – и не будет преград и границ. Музыка объединяла и будет объединять страны и народы. Эта пьеса посвящена всем тем, кто нашёл что-то своё, близкое и родное в песнях Рафаэля. Эта пьеса посвящена настоящему явлению, неповторимому и не имеющему других таких примеров, как небывалая любовь русской публики к далёкому испанскому певцу. Я преклоняюсь перед всеми теми, кто долгие годы хранил в своём сердце любимый образ, слушал песни Рафаэля. Преклоняюсь перед замечательным певцом и его публикой, преклоняюсь перед служением Рафаэля своей публике, людям. Если есть, что сказать, если есть что-то в душе и сердце, — это всегда найдёт отклик, и расстояния, границы, язык и различия в культуре никогда не будут помехой. Соавторами этой пьесы я могу считать всех тех, кто любит и ценит творчество Рафаэля, кто много лет хранит в своем сердце то душевное тепло, которое им подарил замечательный артист. Конечно же, соавтором этой пьесы является и Рафаэль, так как музыка, как я и писал выше, — это такой заветный ключик, который открывает в человеке что-то потаённое, заветное, искреннее и чистое. Так и Рафаэль в сердцах своих слушателей открывает это чистое, заветное, искреннее и объединяет своими песнями, своей жизнью миллионы людей по всему миру, даря им мечту, надежду, свою любовь.

P.S. И ещё немного вот о чём. Тем, кто прочёл этот текст, хочу сказать следующее. Как-то Рафаэль сказал, что мир без музыки — мир глухих. Очень верное замечание, и прежде всего в иносказательном смысле. Эта пьеса как раз о том, что не надо быть глухими, что настоящее творчество открывает границы, сердца, души людей и не даёт им стать бездушными и чёрствыми. И самое главное, я как автор этого текста не вижу ничего без музыки. Музыка — это мой союзник, мой соавтор, это поэзия, это душа. Ничего не может быть без музыки — она основа. И когда говорят, что музыка — это не главное, я не могу с этим согласиться: музыка – это начало и основа. С музыки и песни начинается любовь, жизнь. В любом тексте есть своя музыка, и она обязательно должна быть и в фильмах, и в спектаклях, и не быть на вторых ролях, а занимать основное, главное место — быть союзником и автора текста, и режиссёра.